

РЕВОЛЮЦИЯ 1848 года
сборник статей, писем и стихов
К. Маркса, Ф. Энгельса, Ф. Меринга, М. Бакунина,
Г.Гейне, Г. Гервега, Фрейлиграта и др.

Перевод с немецкого и предисловие *Н.Н.Попова*

М.: государственное издательство. 1924. 130 с.

Веб-публикация: библиотека [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#), 2010. Дореформенная орфография сохранена. Другие материалы о европейской революции 1848-49 гг. – в нашей библиотеке и [сообществе](#). См, в частности, монографию Р.Авербух «Революция и национально-освободительная война в Венгрии в 1848-49 гг.» и книгу Луи Эритье «История французской революции 1848 г. и Второй республики».

На страницах сводных ссылок – подборки материалов: Карл Маркс (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#marx>), Фридрих Энгельс (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#eng>), Генрих Гейне (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#heine>).

Предисловие

Франц Меринг. 1848 год

Из манифеста Коммунистической партии

Требования Коммунистической партии в Германии

Жорж Ренар. Февральская революция в Париже

Мартовские бои в Берлине

Так называемому германскому королю в Берлине

М.Бакунин, апрель 1848 г.

Ф.Фрейлиграт. Воззвание мертвых к живым

Фр.Энгельс. Июньский бой в Париже

Карл Маркс. Июньский бой парижского пролетариата

Письмо Михаила Бакунина Георгу Гервегу (лето 1848 г.)

Карл Маркс. Воззвание демократического конгресса

Ф.Фрейлиграт. Вена

Прокламация левой группы учредительного собрания

Фердинанд Лассаль. Пассивное сопротивление

Величайший негодяй Германии

Письмо Михаила Бакунина Георгу Гервегу (декабрь 1848 г.)

Карл Маркс. Новый 1849 год

Фр.Энгельс. Маркс и "Новая Рейнская Газета"

Г.Гейне. Кобес I

Женщины во время революции

Фр.Энгельс. Рейнская Пруссия

Кампания за имперскую конституцию

Франц Меринг. Баденский поход

Фердинанд Лассаль. Позор прусской юстиции

Г.Гейне. Михель после марта

Из обращения Центрального Комитета к Союзу Коммунистов

Павел Фрелих. Германская с.-д. и революция 1848 года

Георг Гервег. 18-е марта 1873 года

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый вниманию читателей сборник статей и материалов, относящихся к революции 1848-49 гг. в Средней Европе, должен был выйти в издании Германской Коммунистической партии. События прошлой осени в Германии, повлекшие да собой переход партии на нелегальное положение, задержали выход сборника в Германии. Но он имеет громадный интерес не только для немецких читателей. У нас еще нет такой книги, которая при небольшом размере сумела бы так хорошо передать дух эпохи 48-49-го годов, как эта небольшая хрестоматия, составленная для немецких рабочих.

Блестящая характеристика наиболее выдающихся моментов революции, февральских и июньских боев в Париже, берлинской баррикадной борьбы в мартовские дни, событий в рейнской Пруссии и в Бадене весной 1849 г. пером Маркса, Энгельса, Меринга, Бакунина, Лассаля говорит сама за себя. Глубокая и содержательная заключительная статья тов.Фрелиха бросает новый свет на все эти моменты с точки зрения современного германского коммунизма, отдаленные предки которого бились на баррикадах сорок восьмого года. Наконец, с большим интересом наш читатель познакомится с образчиками политической лирики того времени, с так несправедливо неизвестными нынешнему поколению революционными стихами Генриха Гейне, Гервега и Фрейлиграта. Можно только пожалеть, что этих стихов в книге дано слишком мало.

Мы уверены, что в скудный кладезь нашей литературы о 48-м годе книжка будет ценным вкладом, хотя она не может служить источником предварительного ознакомления с революцией 1848-49 года и предполагает у своего читателя наличность некоторых познаний об этой революции.

Н. Попов
6/VII - 24 г.

Франц Меринг

1848 год

Мартовская Революция

Революционная энергия, накопившаяся в тридцатых и сороковых годах, мощно разрядилась вследствие большого кризиса сбыта 1847 г. и целого ряда неурожайных годов. В феврале 1848 г. парижские рабочие разбили трон буржуазного короля Луи-Филиппа, а в Лондоне, метрополии мирового рынка, подняла свою голову чартистская партия. Впервые современный рабочий класс выступил в буржуазной революции с собственными требованиями: во временном правительстве Французской республики сидел настоящий пролетарий.

В Германии революционный западный ветер первым же порывом смел массу старого хлама. Во всех малых и второстепенных государствах зашаталась троны, князья их были вынуждены призвать либеральных министров, чем, конечно, было достигнуто еще не очень много. Союзный сейм также капитулировал в первых же числах марта, подняв черно-красно-желтый флаг, как официальное знамя Германии; несмотря на это, он тем скорее пал под тяжестью всеобщего презрения, и 5-го марта в Гейдельберге либералы, числом 51 (в большинстве из южной Германии), решили созвать во Франкфурт-на-Майне из всех областей Германии людей, пользующихся общественным доверием, чтобы провести возможно скорее выборы немецкого парламента.

Но всем этим было достигнуто немного, пока Вена и, главным образом, Берлин не были завоеваны революцией.

Берлинское правительство надеялось предотвратить грозящее разразиться движение новым созывом соединенного ландтага, и это, без сомнения, удалось бы ему, если бы оно имело дело только с буржуазным классом. Но берлинские рабочие не позволили так легко провести себя; они организовали большие собрания перед воротами города, требовали свободы печати и собраний, а также гарантии работы и учреждения министерства труда. С этой оппозицией шутить было нельзя, как очень скоро пришлось убедиться правительству, когда оно приказало солдатам разгонять собрания вооруженной силой и избивать расходящихся. Вначале буржуазный ландтаг взирал равнодушно на эти кровавые бани, но когда искусственно раздута в войсках жажда крови распространилась даже и на самых мирных буржуа, то и в буржуазном классе начало проявляться мятежное настроение.

В эту накопляющуюся массу горячего материала, словно искра пламени, упало известие, что 13-го марта в Вене разразилась революция и сбросила всемогущего до сей поры государственного канцлера Меттерниха. К тому же большая депутация, посланная из Кельна к королю, грозила довольно недвусмысленно отпадением Рейнской области, если, наконец, не будут произведены реформы. Теперь лишь правительство решило изменить курс, но было уже поздно. Зверства

солдат вывели из терпения даже буржуазных филистеров. 18-го марта, в полдень, они организовали мирную демонстрацию перед королевским дворцом, чтобы потребовать удаления войска из города. Уговоры короля и министра больше не помогли, и когда эскадрон драгун и рота пехоты должны были очистить дворцовую площадь, из солдатских рядов раздались два выстрела, послужившие сигналом к уличному бою.

Были ли оба выстрела случайны, или принц прусский, будущий император Вильгельм, дал приказ стрелять, - в настоящее время не может быть выяснено. Да и безразлично, ибо установлено без всякого сомнения, что принц являлся главным виновником солдатских зверств, разжигая войска в берлинских, казармах. Однако, утверждение, что в уличном бою победили войска, и что они были усилены из города лишь по опрометчивому приказу короля, является позднейшей выдумкой контрреволюции.

Напротив, защитники баррикад сумели в течение ночи настолько ослабить боровшихся против них 14.000 солдат с 36-ю орудиями, что в 5 час. утра командиры дали до смерти изнуренным частям приказ прекратить бой и отступить за город. 19-го марта победоносные защитники баррикад перенесли трупы своих павших братьев во двор дворца и заставили короля с обнаженной головой приветствовать жертвы своего деспотического хозяйничанья и дать обещание ввести народное вооружение.

Берлинские баррикады поставили германскую революцию на твердую почву. Теперь поднялись и крестьяне в Восточно-Эльбской Пруссии и заставили своих феодальных эксплуататоров документально отказаться от всех крепостных оброков и повинностей. Однако, в городах, и именно в Берлине, тотчас же проявился классовый антагонизм буржуазии и пролетариата. Пролетариат одержал победу на баррикадах; среди 183 павших в бою с солдатами находились, главным образом, подмастерья, заводские рабочие и приказчики. Однако, рабочий класс был еще не настолько развит и недостаточно зрел, чтобы использовать одержанную им победу. Бразды правления попали в руки буржуазии; их рейнские вожди - Кампфгаузен и Ганземан - образовали с несколькими обуржуазившимися аристократами новое министерство, и оно-то должно было спасти плоды революции.

Однако, этот большой успех буржуазии ни в коей мере не мог дать ей полного удовлетворения, пока пролетариат мог требовать и требовал некоторой доли его и для себя. Министерство Кампфгаузен-Ганземана постаралось, понятно, исключить рабочих из народного ополчения и уничтожить революционный правопорядок, на котором основывалось его собственное существование. Прикрываясь избитой фразой, что "непрерывность правопорядка должна быть сохранена, министерство создало еще раз соединенный ландтаг, чтобы он утвердил основы будущей конституции и избирательный закон для будущего народного представительства. Так возник закон 6-го апреля, который, между прочими приобретениями, как-то: свобода печати и собраний, предписывал, что издание законов, касающихся установления бюджета и

взимания налогов, должно зависеть от согласия будущих народных представителей. Вслед за этим появился закон 8-го апреля, предписывавший на основе всеобщего равного, тайного, но косвенного избирательного права созвать собрание, каковое должно установить будущую конституцию по соглашению с монархической властью.

Благодаря такому "соглашению" революция вновь повисла в воздухе. Если бы корона и собрание стали друг перед другом с равными правами, - а ведь, это и лежало в понятии "соглашения", - то при первом же разногласии между ними господином положения явилась бы та сторона, в руках которой сосредоточивалась большая сила. Но буржуазное министерство делало все, что только было в его власти, для обеспечения за монархией большей силы. Вместо того, чтобы опираться на» народные массы и держать под угрозой корону и дворянство министерство, наоборот, изменяя народным интересам, хотело сохранить за собой милости короны и дворянства в обманчивой надежде быть допущенным, как третье лицо, в союз правящих классов. Напрасно Карл Маркс, работавший совместно с Кампфгаузенем и Ганземаном в "Рейнской Газете", предостерегал от этой самоубийственной политики; буржуазия из страха перед рабочими заключила наступательный и оборонительный союз с абсолютистско-феодалной реакцией.

Новое представительное собрание, собравшееся в мае, не носило революционного характера: его левая едва насчитывала сорок членов и состояла, вдобавок, из очень податливого элемента. Массы, чуждые до сих пор всякой политической жизни, на первых порах не умели использовать даже всеобщего избирательного права. Вместо того, чтобы укрепить свою государственную власть и уничтожить феодализм, собрание месяцами занималось тем, что выработывало на бумаге новую конституцию. Но наиболее серьезным и роковым упущением было то, что собрание не осознало насущнейшей задачи буржуазного парламента и не освободило крестьян.

В сущности судьба его была решена через месяц после его созыва, когда в июне 1848 года парижские рабочие поднялись против буржуазии, укравшей у них плоды февральской революции и продолжавшей их обкрадывать. Рабочие были побеждены после ужасного четырехдневного уличного боя, но гнусная победа дорого обошлась буржуазии. С тех пор, как Европейская контр-революция узнала, что между буржуазией и пролетариатом лег широкий поток крови, через который невозможно перебросить моста, она стала выступать со все большей и большей дерзостью. Буржуазное министерство в Берлине рухнуло, как только собрание осмелилось оказать легкое сопротивление милитаризму; да и само собрание позволило легко разогнать себя, когда в Вене одержала победу контр-революция, и прусская монархия обрела, благодаря этому, мужество к государственному перевороту. Когда в ноябре 1848 года собрание было разогнано вооруженной силой, оно отклонило требование рабочих призвать народ к оружию и провозгласило позорное пассивное сопротивление, которое кончилось трусливой покорностью перед предательским переворотом монархии.

Считаясь с волнением, продолжавшимся еще в отдельных областях, - именно в Рейнской области и Силезии, - монархия не осмеливалась все же раскрыть сразу свои карты. После разгона собрания она, наоборот, опубликовала 5-го декабря 1848 г. конституцию, соответствующую, правда, с несколькими весьма существенными пропусками, проекту конституции, выработанному разогнанным собранием, и обещала представить эту конституцию двум вновь избранным палатам, из которых вторая палата должна была быть избрана на основании всеобщего избирательного права. Правительство и тогда не скупилось на всевозможные прекрасные обещания, в особенности по отношению к крестьянам.

Таким образом, страна оставалась спокойной, благодаря жалкой политике собрания, которое в течение нескольких месяцев обманывало доверие масс, а в решительный момент позорно сложило оружие.

Контр-революция и ее победа

После государственных переворотов в Берлине и Вене германское национальное собрание во Франкфурте-на-Майне оказалось последним защитником революции. По инициативе тех либералов, что 5-го марта собрались в Гейдельберге, лица, облеченные общественным доверием (большинство их было из южной Германии), объявили себя на заседании сейма так-называемым предварительным парламентом; под свежим еще впечатлением мартовских боев они провели выборы немецкого парламента.

Но и это собрание не показало себя доросшим до своих революционных заданий. Обладая властью, оно не только упустило случай объявить себя верховным конвентом, но, наоборот, отдало национальное движение в руки князей, избрав австрийского эрцгерцога Иоганна регентом империи. Оно расточало драгоценное время в бесконечных дебатах о будущих правах народа. Но все же оно оставалось, хотя и уродливым, отпрыском революции. Поэтому после поражения Вены и прусского ноябрьского переворота все способные еще к сопротивлению элементы нации концентрировались вокруг собрания, вследствие чего оно превратилось для прусского и австрийского правительств в камень преткновения, который нужно было снести во что бы то ни стало.

Однако, австрийское и прусское правительства проводили по отношению к нему различную политику. Австрийское правительство хотело просто восстановить предмартовский союзный сейм, который обеспечивал ему господство над Германией; но оно не могло открыто выявить свои намерения лишь потому, что было парализовано победоносным восстанием в Венгрии. Наоборот, прусское правительство собиралось ограбить труп революции, используя стремления к национальному единству для укрепления своего господства над Германией. Действительно, франкфуртское национальное собрание согласилось увенчать государственную конституцию, - обсуждавшуюся им в целом ряде запутанных фракционных споров и, наконец, утвержденную

28-го марта 1849 года, - избранием прусского короля императором Германии. Но когда депутация собрания доставила в Берлин бумажную корону, Фридрих-Вильгельм IV не ответил ни да, ни нет, но обусловил принятие короны согласием немецких князей. Этим самым был вновь поставлен вопрос, кто является в Германии сувереном - князья или народ. Франкфуртское национальное собрание было насильно отброшено назад к революционной точке зрения, которую оно покинуло лишь к своему вреду.

К сожалению, оно и теперь показало свою неспособность вести революционную политику и управлять бурным движением, которое еще раз начинало пробуждаться в народе. Оно поручило регенту Иоганну, который открыто изменял в пользу Австрии, практическое проведение конституции и вообще принимало всевозможные смехотворные решения, прекрасно зная само, что это лишь толчение воды в ступе.

В противоположность ему, прусское правительство проводило свою реакционную политику, по крайней мере, ловко. Как только оно узнало, что правительства второстепенных государств ни в коем случае не склонны вести с ним переговоры на основании конституции, и что нарастающее массовое движение спланируется вокруг имперской конституции не ради, а вопреки Гогенцоллернской империи, - оно сбросило маску и открыто порвало с национальным собранием. С другой стороны, оно пригласило те немецкие правительства, которые хотели вместе с ним образовать единую Германию, на общую конференцию в Берлине, обещая вместе с тем оказывать этим правительствам потребную помощь "в опасных кризисах". Это значит другими словами: прусское правительство предложило себя малым и второстепенным государствам в качестве палача революции, надеясь, что эти государства признают за это его господство над Германией. В то время как прусское правительство вооружалось, призвало большую часть ландвера и сосредоточило мощные отряды в восточных провинциях, национальное собрание продолжало выпускать воззвания и принимать резолюции, не имевшие под собой никакой почвы. В конце-концов оно бежало от своего возлюбленного регента из Франкфурта в Штутгарт, где оно, по крайней мере, обрело счастье умереть до некоторой степени приличной смертью: оно было разогнано вюртембергским правительством с помощью вооруженной силы.

Конечно, берлинские расчеты заключали в себе тоже большой изъян. Правительства малых и второстепенных государств с благодарностью приняли вооруженную помощь Пруссии против революции, но они и не помышляли платить за нее ту цену, которую требовал гогенцоллернский аппетит. С большим трудом удалось завербовать королевства Ганновер и Саксонию в так-называемый "союз трех королей", который продолжался ровно столько, сколько оба второстепенных государства в нем нуждались. Конституция этого нового союза, никогда не проведенная в жизнь, не заслуживала бы даже упоминания о себе, если бы она не оставила после себя прусскому населению скверного наследия, а именно трехклассной системы

выборов. В то время, как франкфуртская конституция отстаивала всеобщее равное, тайное, хотя и косвенное, избирательное право, в новой конституции всеобщее избирательное право хотя и оставалось, но было доведено до карикатурности тем, что не оставалось более ни равным, ни тайным.

Одновременно с объявлением трехклассной системы выборов в призрачной конституции "союза трех королей" таковая же была октроирована, путем отвратительного насилия, и для прусского государства, в котором еще 8-го апреля 1848 года было торжественно объявлено государственным законом всеобщее равное и тайное избирательное право. Буржуазия в массе своей покорилась удару, нанесенному ей в лицо прусским юнкерством. Те же самые либеральные государственные деятели, которые во Франкфурте в конце марта 1849 года присягнули имперской конституции, как палладиуму, в котором ничто более не могло быть перетолковано и перетасовано, - сошлись четверть года спустя, в конце июня 1849 года, в Готе и так же пламенно приняли дар прусского правительства, ограбившего труп революции и обезобразившего его трехклассной системой выборов. Не так низко пала другая часть буржуазной оппозиции, состоявшая преимущественно из мелкобуржуазного элемента. Но и она не пошла далее того, что на собрании в Кетене порешила не принимать участия в парламентской жизни, пока существует трехклассная система.

Единственным светлым лучом в этом печальном закате революции были восстания в защиту имперской конституции. Само собой разумеется, что они были безнадежны и не имели никаких перспектив, но, по крайней мере, они спасали честь революции. Они вспыхивали, главным образом, там, где в них принимали участие рабочие, которые были заинтересованы не в очень умеренном либерализме конституции и не в Гогенцоллернской династии, но в том, чтобы защитить верховенство народа от княжеского деспотизма. Эти восстания, разразившиеся в Дрездене, в отдельных местах Рейнской области, наиболее же широко в Бадене и в Баварском Пфальце, были повсюду задавлены прусскими войсками после страшной резни, которая всегда и повсюду сопровождает победу т.-н. "порядка".

В этой кампании за имперскую конституцию погибла и единственная газета, которая в течение немецкой революции всегда держалась на высоте событий. Это - "Новая Рейнская Газета", основанная и руководимая в Кельне Карлом Марксом, Фридрихом Энгельсом и их ближайшими единомышленниками. Маркс, объявленный иностранцем, был выслан из прусского государства; против других же редакторов было возбуждено более двух десятков процессов, так что газета должна была прекратиться. Ее последний, напечатанный красной краской номер появился 19-го мая 1849 года с знаменитой "Прощальной песней" Фердинанда Фрейлиграта.

Первый период немецкого рабочего движения

Немецкий рабочий класс проделал в общем революционном движении свой особый путь. При некотором мужестве, буржуазия могла бы повести за собой весь рабочий класс. Но капитулировав перед короной и юнкерством из-за страха перед рабочим классом, она тем самым вызвала как-раз то, чему хотела помешать: она подняла классовое сознание рабочих на высоту, которой оно по историческому положению вещей не могло бы тогда достигнуть естественным путем.

Сельский пролетариат не достиг еще, конечно, уровня классового сознания современных рабочих. Он удовлетворялся тем, что в тысячах петиций к берлинскому и франкфуртскому собранию излагал свою программу, не выходящую за пределы вопросов об уничтожении феодальных повинностей, о небольшом наделе земли, о повышении поденной заработной платы и о снижении налогов. Эта программа целиком соответствовала пониманию феодальных крепостных, которые ждали своего освобождения от буржуазной революции, и не могли еще определить ее в своих требованиях.

Иначе обстояло дело с промышленным пролетариатом, который давно находился в скрытой войне с капиталом и становился тем революционнее, чем больше мелела буржуазная революция. Как только ему стала ясна измена буржуазии, он отказался от ее руководства и организовался помимо буржуазии.

Уже 19-го апреля 1848 года в Берлине образовался Центральный Комитет рабочих, во главе которого стоял Стефан Борн, печатник, принадлежавший к Союзу Коммунистов и бывший в дружеских отношениях с Марксом и Энгельсом. Этот Центральный Комитет развивал неутомимую агитацию и с 1-го июня выпускал три раза в неделю собственную газету "Народ", ставившую себе задачей поддерживать, с одной стороны, буржуазию в борьбе со всеми исторически-отсталыми силами, а с другой стороны - мелкое бюргерство и рабочих в борьбе с капиталом, и всегда быть в первых рядах там, где дело идет о завоевании новых политических прав для народных масс.

Когда эта газета, прекрасное руководимая Борном, подготовила благоприятную почву, Центральный Комитет созвал в Берлине рабочий конгресс, который собрался 25-го августа в количестве 40 участников, представлявших 35 рабочих обществ из Берлина, Бреславля, Гамбурга, Лейпцига, Мюнхена и других больших городов. В порядке совещания конгресса стояли вопросы: о гарантии труда государством, о государственной поддержке промышленных рабочих ассоциаций, о государственном обеспечении всех нетрудоспособных рабочих и рабочих-инвалидов, об ограничении рабочего дня, о реформе налоговой системы в интересах рабочего класса, об отмене налогов на предметы первой необходимости, о национальной школе с бесплатным обучением, о бесплатном судопроизводстве и об учреждении в отдельных немецких государствах министерств труда, свободно выбранных рабочим классом.

Все эти пункты обсуждались в десятидневных дебатах, при чем

проявилась, конечно, достаточная разногласия во мнениях. Важнее этих теоретических постановлений конгресса был организационный устав, составленный для рабочих и заключающий в себе план широкого устройства местных и областных комитетов, во главе с Центральным Комитетом, который переносился в Лейпциг; на него было возложено издание газеты союза, которая и появилась вновь под руководством Борна и называлась по имени нового союза "Братство". Центральный Комитет подлежал контролю и мог быть переизбран общим собранием всех немецких рабочих, которое должно было происходить, по меньшей мере, один раз в год.

Этот союз охватил значительную часть Германии, главным образом, при посредстве целого ряда областных конгрессов, имевших место в Альтенбурге, Лейпциге, Гамбурге, Гейдельберге, Нюрнберге и других городах.

Союз держался исключительно стойко во всех политических кризисах революционных лет, но его социальные стремления были не столь безупречны. Он слишком широко разработал свою социальную программу, и чем многочисленнее были точки, куда он пытался приложить свой рычаг, тем более дробились его силы. Его попытки затеять борьбу с капиталистической формой производства, раньше чем пролетариат завоевал политическую власть, повели к разочарованиям и потерям.

Тем не менее, орган союза постоянно и много способствовал пробуждению и обострению классового сознания рабочих, в особенности тем, что он деятельно поддерживал рабочих в борьбе за заработную плату.

Революционные годы были очень богаты такими стачками; после мартовских дней в одном Берлине их насчитывалось несколько десятков. Но, как и следовало ожидать по самому положению вещей, рабочие не достигали ими прочных результатов, а добивались лишь некоторых временных успехов. Что было дано им из страха перед революцией, - снова было отнято наглостью контр-революции.

Из многочисленных случайных стачек в некоторых производствах выросли зародыши более устойчивых национальных союзов; раньше и энергичнее всех пошли в этом направлении печатники и сигарные рабочие. Но так как буржуазия боролась с профессиональной организацией рабочих, угрожавшей непосредственно ее прибылям, еще сильнее, чем с их политической организацией, имея в этом деле ревностных помощников в лице полиции и юстиции, то все эти многообещающие зачатки были разрушены, хотя интеллектуальная победа целиком осталась на стороне рабочих.

После февральской революции Союз Коммунистов утратил смысл своего существования постольку, поскольку рабочий класс обладал теперь возможностью и средствами открытой пропаганды. Члены Союза рассеялись главным образом по Германии, где было необходимо, в первую очередь, подталкивать буржуазный класс к обеспечению прав, необходимых для политической организации пролетариата, - к обеспечению свободы союзов, свободы печати и других прав, завоевание которых являлось историческим призванием буржуазии, но немецкая буржуазия втайне помышляла отречься от них из страха перед пролетариатом. Если члены Союза Коммунистов не хотели впасть снова в сектантство, от которого они только-что освободились, они могли выступить на почве немецкой революции лишь в качестве самого радикального крыла демократии, из чего отнюдь не следовало, конечно, что им следовало скрывать свою конечную цель, чего они и не делали.

Они выступали как против всякого сектантства, так и против всякой игры в революцию. Они рассеялись в Германии поодиночке, чтобы действовать повсюду в революционном движении, подобно дрожжам. Но в этом распылении Союз Коммунистов оказался превосходной подготовительной школой для освободительной борьбы рабочего класса. Почти повсюду, где немецкий пролетариат начал проявлять хоть некоторую степень сознательности, движущей силой являлись члены Союза Коммунистов.

Они вновь сомкнулись, когда после окончания конституционной кампании над Германией воцарился белый террор. Как и до 1848 года, революционная пропаганда в пределах Германии была возможна лишь в форме тайной организации, а открыто она могла вестись не иначе, как из-за рубежа. Но здесь дело обстояло плохо, ибо в немецкой эмиграции были перемешаны самые пестрые элементы, и всякая попытка сплотить эту массу для общих действий была заранее обречена на неудачу; там же, где ее все-таки предпринимали, она тотчас же прекращалась из-за возникавших передряг.

Правительства, с своей стороны, продолжали преследовать эмигрантов; это удавалось им даже и в Швейцарии. Как всегда, швейцарское право убежища отказывалось проявить свою силу как-раз в тот момент, когда оно было нужнее всего. В течение какого-нибудь года Швейцария, под давлением немецких правительств, выселила из своих пределов 11.000 беглецов, искавших убежища на ее территории.

Единственная серьезная попытка побудить немецкую эмиграцию к активному вмешательству в судьбы Германии исходила от Маркса и Энгельса. Они реорганизовали Союз Коммунистов, старые члены которого почти все собрались опять в Лондоне. В Германии тоже продолжали еще работать многие члены Союза, конечно, тайно; удалось привлечь в организацию Союза и наиболее влиятельных членов "Братства Рабочих".

Однако, в течение лета 1850 года становилось все яснее, что революция неудержимо сходит на-нет. Вместо того, чтобы жаловаться и негодовать на это, Маркс и Энгельс занялись критическим исследованием, почему нельзя воспрепятствовать такому положению

вещей; они выяснили, что, подобно тому, как торговый кризис 1847 года породил революцию, точно так же контр-революция была порождена постепенным промышленным улучшением, достигшим полного расцвета в 1850 году, Это положение, которое Маркс и Энгельс высказали открыто, находилось в непримиримом антагонизме с революционными мечтаниями эмиграции. По этому поводу и в Союзе Коммунистов в сентябре 1850 года произошел раскол на две фракции, из которых, впрочем, ни одна не просуществовала долго.

Фракция, предавшаяся бесцельной игре в революцию, немедленно пришла в упадок; другая же, державшаяся старых принципов Союза, была сломлена кельнским процессом коммунистов, который, по категорическому приказу короля Фридриха-Вильгельма IV, был создан прусским провокатором Штибером на лжи, обмане и ложной присяге. Процесс тянулся шесть недель, от 7-го октября до 12-го ноября 1852 года, перед кельнским судом присяжных и закончился тем, что семь из числа одиннадцати обвиняемых были приговорены к разным срокам тюремного заключения. С распадом своей сильнейшей организации закончился первый период немецкого рабочего движения. Повидимому, отдельные ростки "Братства Рабочих" пережили Союз Коммунистов, но они имели очень небольшое значение и вскоре после этого были также разгромлены полицией. Возобновленный 13-го июля 1854 года союзный сейм во Франкфурте-на-Майне обязал все немецкие правительства уничтожить оставшиеся еще рабочие союзы и запретить под страхом наказания их организацию. Особенно настаивал на этом решении прусский уполномоченный при сейме, тот самый Бисмарк, который впоследствии должен был стать отцом закона о социалистах.

ИЗ МАНИФЕСТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

I. Диктатура пролетариата

Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы постепенно отнять у буржуазии весь капитал, чтобы централизовать все орудия производства в руках государства, т.-е. в руках пролетариата, организованного в господствующий класс, и возможно скорее увеличить массу производительных сил.

Сначала это может совершиться, конечно, только посредством деспотических вторжений в право собственности и в буржуазные условия производства, следовательно, при помощи мероприятий, кажущихся с экономической точки зрения недостаточными и ненадежными, но которые перерастают самих себя в ходе движения и являются неизбежными, как средство преобразования всего способа производства.

Эти мероприятия будут, конечно, различны в различных странах.

Однако, в наиболее цивилизованных странах почти повсеместно могли бы быть приняты следующие меры:

1. Экспроприация земельной собственности и обращение земельной ренты на покрытие государственных расходов.
2. Высокий прогрессивно-подходящий налог.
3. Уничтожение права наследования.
4. Конфискация имущества всех эмигрантов и бунтовщиков.
5. Централизация кредита в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом и исключительной монополией. Я
6. Централизация транспорта в руках государства.
7. Увеличение числа государственных фабрик и орудий производства, возделывание и улучшение полей по общему плану.
8. Одинаковая трудовая повинность для всех, учреждение трудовых армий, в особенности для земледелия.
9. Объединение земледельческого труда с фабричным. Постепенное уничтожение различия между городом и деревней.
10. Общественное и даровое воспитание всех детей. Устранение фабричной работы детей в современной ее форме. Соединение воспитания с материальным производством, и т.д.

Когда в процессе развития будут уничтожены различия классов, и все производство сосредоточится в руках ассоциированных индивидуумов, общественная власть потеряет свой политический характер. Политическая власть, в собственном смысле этого слова, есть организованная сила одного класса, имеющая целью подчинение другого класса. Если пролетариат в своей борьбе с буржуазией неизбежно объединяется как класс, становится при помощи революции господствующим классом, и, как господствующий класс, насильственно уничтожает старые условия производства, то вместе с последними он уничтожает также и причины существующего антагонизма классов, классы вообще, а тем самым и собственно классовое господство.

Место старого буржуазного общества, с его классами и его антагонизмом классов, займет ассоциация, в которой свободное развитие каждого будет условием свободного развития всех.

II. Задачи коммунистов в революции 1848 года

Коммунисты борются за достижение непосредственных целей рабочего класса, но в современном движении они борются, в то же время, и за будущность этого движения. Во Франции коммунисты примыкают к социал-демократической партии против консервативной и радикальной буржуазии, не отказываясь, однако, от права относиться критически к фразам и иллюзиям, являющимся революционными пережитками.

В Швейцарии они поддерживают радикалов, не заблуждаясь относительно того, что эта партия состоит из противоречивых элементов: частью из демократических социалистов во французском смысле, частью из радикальных буржуа.

---

* Партию, называвшуюся тогда во Франции социал-демократической, представлял в политике Ледрю-Роллен, а в литературе - Луи Блан; она была, следовательно, так же далека от современной немецкой социал-демократии, как небо от земли.

Среди поляков коммунисты поддерживают партию, которая ставит аграрную революцию необходимым условием национального освобождения, - ту самую партию, которая вызвала Краковское восстание 1846 года.

В Германии коммунистическая партия борется совместно буржуазией, - когда последняя выступает революционно, - против абсолютной монархии, против феодального землевладения, и мелкой буржуазии.

Но ни на минуту не перестает она вырабатывать в умах рабочих возможно более ясное сознание враждебной противоположности интересов буржуазии и пролетариата, чтобы немецкие рабочие могли использовать общественные и политические условия, которые должны повлечь за собой господство буржуазии, как оружие против ее же самой, чтобы тотчас же после крушения реакционных классов в Германии начать борьбу против самой буржуазии.

На Германию коммунисты обращают главное свое внимание потому, что она находится накануне буржуазной революции, потому, что ей предстоит совершить этот переворот при наиболее прогрессивных условиях европейской цивилизации вообще, с гораздо более развитым пролетариатом, чем в Англии XVII и во Франции XVIII столетия. Немецкая буржуазная революция, следовательно, может послужить непосредственным прологом для пролетарской революции.

Одним словом, коммунисты поддерживают повсюду всякое революционное движение, направленное против существующих общественных и политических отношений.

Во всех этих движениях они выдвигают на первый план, как основной вопрос всего движения, вопрос о собственности, независимо от того, приобретает он более или менее развитую форму.

Наконец, коммунисты повсюду стремятся к соединению соглашению демократических партий всех стран.

Коммунисты считают излишним скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего современного общественного строя.

Пусть господствующие классы содрогаются перед коммунистической революцией! Пролетарии могут потерять в ней только» свои цепи. Приобретут же они целый мир.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ТРЕБОВАНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ В ГЕРМАНИИ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

1. Вся Германия объявляется единой нераздельной республикой.
2. Всякий немец, достигший 21 года, имеет право избирать и быть избранным, если он только не подвергался уголовному наказанию.

3. Народные представители получают вознаграждение, чтобы и рабочие имели возможность заседать в парламенте германского народа.

4. Всеобщее вооружение народа. В будущем армии должны быть одновременно и рабочими армиями, чтобы войско не просто потребляло, как было раньше, но производило бы больше, чем составляют издержки по его содержанию. Это будет также одним из способов организации труда.

5. Бесплатное судопроизводство.

6. Все феодальные повинности, все оброки, барщина, десятины и т.д., до сих пор тяготевшие на сельском населении, отменяются без всякого выкупа.

7. Имения государей и прочие феодальные имения, все рудники, копи и т.д. превращаются в собственность государства. На этих землях ведется, в интересах всего общества, хозяйство в крупном масштабе самыми новейшими методами, изобретенными наукой.

8. Ипотеки на крестьянские земли объявляются государственной собственностью. Проценты по этим ипотекам крестьяне уплачивают государству.

9. В тех областях, где развита аренда, земельная рента или покупная плата уплачивается государству в виде налога.

Все эти меры, указанные под 6, 7, 8 и 9, проводятся с той целью, чтобы уменьшить общественные и прочие повинности крестьян и мелких арендаторов, не уменьшая средств, необходимых для покрытия государственных расходов, и не создавая опасности для самого производства.

Собственно земельный собственник, не являющийся ни крестьянином, ни арендатором, не принимает никакого участия в производстве. Поэтому его потребление - просто злоупотребление.

10. На место всех частных банков, выступает государственный банк, бумаги которого имеют узаконенный курс.

Эта мера делает возможным регулирование всего кредитного дела в интересах всего народа и таким образом подрывает господство крупных собственников денег. Замещая мало-помалу золото и серебро бумажными деньгами, она удешевляет необходимое оружие буржуазного оборота, всеобщее средство обмена и позволяет использовать золото и серебро во внешних отношениях. Эта мера в конце - концов необходима для того, чтобы приковать к правительству интересы консервативных буржуа.

11. Государство берет в свои руки все средства транспорта, железные дороги, каналы, пароходы, гужевые дороги, почту и т.д. Они обращаются в государственную собственность и бесплатно отдаются в распоряжение неимущего класса.

12. В вознаграждении всех государственных чиновников не будет никаких иных различий, кроме того, что семейные, т.е. лица с большими потребностями, будут получать и большее вознаграждение, чем остальные.

13. Полное отделение церкви от государства. Духовенства всех

вероисповеданий будет получать плату исключительно от своих добровольных общин

14. Ограничение права наследования.

15. Введение усиленного прогрессивного налога и уничтожение налогов на предметы потребления.

16. Устройство национальных мастерских. Государство гарантирует всем рабочим существование и берет на себя попечение о неспособных к труду.

17. Всеобщее и бесплатное народное образование. В интересах германского пролетариата, мелкой буржуазии и крестьянского сословия - со всей энергией способствовать проведению в жизнь указанных выше мероприятий, ибо только посредством их осуществления миллионы людей, которые до сих пор эксплуатировались в Германии небольшим числом лиц и которых постараются и впредь держать в угнетении, сумеют добиться своего права и той власти, которая подобает им, как производителям всех богатств.

Комитет: *Карл Маркс, Карл Шапер, Г.Бауэр, Ф.Энгельс, И.Моль, В.Вольф*

Жорж Ренар

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ПАРИЖЕ

Ход французской революции 1848 года своеобразен и в высшей степени прост. Обычно революция представляет в своем течении восходящую и нисходящую кривую. Так и в первой французской революции 9-е термидора (1794) определял конец восходящего движения и начало нисхождения. Здесь же нет ничего подобного. Кульминационный пункт достигается в самом начале. В течение многих недель происходит безрезультатная борьба между силами, стремящимися удержать Францию на этом уровне, и силами, старающимися сбросить ее с вершины, достигнутой в три дня. Эта борьба есть в сущности классовая борьба, которая немедленно обнаруживается, обостряясь вскоре тяжелыми конфликтами, и придает свой особый отпечаток "великим дням", которые следуют друг за другом из месяца в месяц с необыкновенной правильностью: 25-го февраля, 17-го марта, 16-го апреля, 15-го мая, 22-го июня. В течение этих четырех месяцев победа склоняется то к одному, то к другому классу, то к одной, то к другой из борющихся сторон. За каждую переходящую и неокончательную победу одного класса другой класс берет реванш. И так продолжается до того момента, пока в кровавой гражданской войне буржуазный класс окончательно не восторжествовал над классом рабочего народа. С этого момента победоносная реакция вырывается и сбрасывает народ и самую буржуазию со ступеньки на ступеньку до той точки, от которой оба они исходили при завоевании республики. Но все же, несмотря на, видимо, бесполезно растроченные усилия, были низвергнуты силы, которым не суждено уже было вновь подняться, были осуществлены успехи, которые

закрепились, были посеяны идеи, которые распространились по всей земле.

24-го февраля, в то время как Париж, словно вулкан во время извержения, еще гремел, дымил и кипел, первой задачей победителей было образование нового правления. Между прочим, победители были сами удивлены легкостью своей победы, которая явилась, по выражению Кабэ, "как бомба или молния". Возникает вопрос: какое правление - регентство или республика? Добрая часть буржуазии склонялась без сомнения к перемене, которая ограничивалась бы лишь тем, что возлагала корону на другую голову. Умеренные республиканцы считали республику преждевременной. Но приходилось считаться с борцами баррикад, которые и в мыслях не имели, что собираются возобновить то, что они называли мошенничеством 1830 года. Народ уже праздновал на свой лад поминки по королевской власти, сжигая с насмешливым торжеством парадные кареты и трон. Палата отказалась от регентства еще прежде, чем оно начало существовать. Герцогиня Орлеанская и герцог Немурский последовали в изгнание за Луи-Филиппом; было решено назначить временное правительство.

Среди всеобщего смятения список кандидатов был представлен, - я не говорю: на вотум законодательного собрания (ибо в точном смысле слова, такового и не было), а на утверждение пестрой массы, переполнявшей зал совещания. Ламартин, Араго, Ледрю-Роллен избираются без голосования. С ними проходит и восьмидесятидвухлетний патриарх демократии Дюпон Делер. Мари, Кремье, Гарнье-Паже принимаются, несмотря на громкие протесты. Имя социалиста Луи Блана, которое выкрикивают со всех сторон, намеренно не расслышано Ламартином, помогающим при составлении списка.

Но существует революционная традиция, некий род священной церемонии. После этого фарса парламентского избрания временное правительство должно отправиться в ратушу, чтобы получить там признание и, так-сказать, благословение народа. Там оно сталкивается с другим списком, предложенным прогрессивной прессой и тайными обществами. Происходят дебаты. Наконец, соглашаются на соединении обоих списков. Марра, Флокон, Луи Блан, представители газет "National" и "Reforme", затем Альбер, механик, вчера лишь оставивший блузу и инструменты и являющийся кандидатом тайных обществ, присоединяются к уже утвержденным депутатам. Трое из позднее избранных награждаются, или, вернее, насильно получают звание секретарей, а Альбера забывают пригласить на первое заседание.

Таким образом, в самом начале обнаружилось определенное разногласие среди одиннадцати человек, которые должны были управлять судьбами Франции. Между ними можно различать три группы. Наиболее многочисленная охватывает умеренных республиканцев, считавших революцию завершённой с момента низвержения народом монархии и верхней палаты. К ней относятся: Дюпон Делер, Араго, Кремье, Гарнье-Паже, Ламартин, Мари и Марра. Наиболее радикальная группа складывается из социалистических республиканцев Альбера и Луи

Блана, которые являлись сторонниками коренного экономического преобразования. Между этими группами колебались вправо и влево радикалы-демократы Флокон и Ледрю-Роллен.

Итак, было создано коалиционное правительство, правительство компромисса, не только не единообразное по составу, но и несогласное во мнениях, которое способно договориться по некоторым пунктам ограниченной программы, но при каждом жгучем вопросе осуждено на бесконечные трения, на обоюдное недоверие, на неистовые дебаты и многословные и двусмысленные резолюции. Неизбежные разглагольствования между большинством и меньшинством должны были повести к растворению воли, к бессилию, которое вытекает из разлада. От этой своеобразной болезни и должно было зачахнуть правительство, о котором Прудон мог сказать: "Оно ничего не знало, не хотело, не смело!".

Только - что образовавшееся, оно медлило определить самого себя, сжечь за собой мосты. Оно было республиканским. Должно ли оно было так назвать себя? Могло ли оно действовать, не получив вотума народа в таком важном деле? Но целый день из среды вооруженной толпы, бушующей на Гревской, площади, раздаются клятвы положить конец этой истории. Распайль дает правительству два часа сроку, чтобы решиться. Лагранж и повстанцы, объявившие себя уполномоченными от народа и утвердившиеся в городской думе, следят и беспокоят хозяев власти. Ламартин предлагает длинную запутанную формулу. Умеренные боятся слишком резкой формулировки: "Временное правительство провозглашает республику". Прогрессивные элементы отвергают слишком мягкую: "Временное правительство предлагает республику". В результате Кремье проводит примиряющую редакцию: "Временное правительство выражает желание иметь республику в случае подтверждения народа, который должен быть немедленно опрошен".

Сейчас же рабочие пишут гигантскими буквами на огромном полотне: "Во Франции провозглашена единая и неделимая республика". Они взбираются на балюстраду и выставляют надпись под свет факелов. Раздается невероятный взрыв одобрения, за которым следует крик ужаса. Один из рабочих сорвался, и его унесли обливающегося кровью. Старики увидели бы в этом недобрый знак. Да и республика 1848 года, вызвавшая мощный энтузиазм, должна была пасть, обгаренная кровью рабочих.

Республика была провозглашена. Но к чему она должна, была привести? Должна ли была она представлять простое изменение политического строя Франции? Или преобразовать ее экономический строй? Тяжелая проблема, которая мимолетно была поставлена в этот критический час, но которая все настойчивее стремилась к свету, и которая должна была стать основным вопросом. Буржуазия слышала во время борьбы клич, который она не понимала: "Да здравствует демократическая и социалистическая республика!" Социалистическая! Что должно было это, в самом деле, обозначать? Одна из гравюр того времени изображает февральскую революцию в образе классического сфинкса, разрывающего людей; и действительно, ужасную и

смертоносную загадку задала она Франции и Европе.

С утра 25-го февраля появились некоторые предзнаменования. Предместья и кварталы бедноты стекались на Гревскую площадь; мужчины были вооружены ружьями и саблями, с красными шарфами, в красных шапках или с красными лентами на шляпах. Раздавались красные значки. Красные знамена развевались по ветру. Дома, городская дума, статуя Генриха IV были увешаны красными флагами; правительству было предложено заменить трехцветное знамя красным.

Красное знамя всегда развевалось на баррикадах; под его цветом происходило много восстаний. Благодаря тому, что красный флаг так часто вывешивался, когда народные массы разгонялись во имя закона, он приобрел революционное значение. Знамя насилия стало знаменем вооруженного восстания. Так как восстание было победоносно, то казалось, что его боевое знамя имеет право на почести.

В этом конфликте отчетливо выступили оба значения красного знамени, одинаково ненавистные для буржуазии. Ламартин, противившийся принятию красного знамени, кинул ему упрека что оно - "символ крови". Он прекрасно понимал, что, уничтожая трехцветное знамя, его противники хотят опрокинуть и тот режим, "под сенью которого богач продолжает наслаждаться, а бедняк страдать, капиталист продолжает грабить человека и осуждать его на наемное рабство или на голод". Одним словом, он прекрасно чувствовал, что дело клонилось к борьбе классов, несогласных не только в средствах, но и в целях. "Это была, - писал он, - открытая борьба пролетариев с буржуазией".

Когда Ламартин впоследствии рассказывал об этом дне, который был его днем, он окружил его сияющим ореолом и в центре поместил себя самого. Если верить ему, любезная история должна послушно принять легенду о сумасбродной беснующейся массе, в мгновение ока укрощенной силой великого льстеца и уговаривателя. В действительности же понадобилось нечто другое, чтобы отвести ураган. Пришлось благоразумно сделать уступку народному мнению, уступку, которая была поддержана в правительстве Луи Бланом. "Moniteur" от 27-го февраля опубликовал следующее постановление:

"Временное правительство объявляет, что национальный флаг есть флаг трехцветный, цвета которого должны быть восстановлены, как они были приняты Французской республикой. На этом флаге будут написаны слова: "Французская Республика. Свобода, равенство, братство". Три слова, которые в самом широком смысле выражают демократические учения, символом которых является этот флаг, в то время как цвета его сохраняют традиции.

В знак единодушия и вечного напоминания признательности к последнему акту народной революции члены временного правительства и другие правительственные чиновники будут носить красную розетку, каковая должна быть также укреплена на древке флага".

Теперь понятно, что толпа, которой сейчас же было сообщено это постановление, мирно разошлась; и это же объясняет, без сомнения, почему Бланки, этот тайный, неустанный заговорщик, который 16 лет

назад, исходя из наличных классовых противоречий, объявил войну между богатыми и бедными, в тот же вечер посоветовал своим приверженцам разойтись, ничего не предпринимая. Во всяком случае между правительством и теми, кто толкал его вперед, было заключено действительное соглашение, которое было подчеркнуто тем фактом, что Марра, Флокон, Луи Блан и Альбер бесшумно повысились из секретарей в члены временного правительства.

В тот же вечер еще целая серия декретов старалась удовлетворить и умеренных, и республиканский авангард: превращение дворца Тюильери в госпиталь для рабочих инвалидов, усыновление нацией детей, чьи отцы пали в бою, освобождение политических заключенных и, наконец, уничтожение смертной казни за политические преступления - неполная мера, которая не объявляла неприкосновенности человеческой жизни вообще» но которая свидетельствовала о великодушии победителей, ободряла малодушных и доказывала, что гильотина 1793 года была сдана в исторический музей.

Но великий вопрос, лежащий в основе конфликта из-за двух флагов, ни в коем случае не был разрешен, и он вновь выплыл, на этот раз в более ясной форме. Перед правительством появилась бушующая и вооруженная делегация, предводительствуемая рабочим, по имени Марш, одним из тех неизвестных, которые, благодаря своей энергии, становятся вождями во времена возмущений. Он требует немедленного признания права на труд. Правительство противится этому требованию. Ламартин пытается поймать рабочего в сети своего красноречия. "Довольно фразы!" - резко прерывает его юноша. Быть-может, он все же позволил бы себя провести, если б не Луи Блан, высказавшийся, после минутного колебания, в его пользу. С Флоконом и Ледрю-Ролленом Луи Блан составляет на месте следующий декрет, в котором чувствуется спешность импровизации.

"Временное правительство Французской республики обязуется обеспечить работой существование рабочего. Оно обязуется гарантировать работу всем гражданам. Оно признает, что рабочие должны соединиться между собой, чтобы пользоваться плодами своей работы".

Ледрю-Роллен прибавляет еще следующий параграф, который напоминает дар при радостном вступлении на престол: "Временное правительство возвращает рабочим принадлежащий им миллион, следуемый к уплате по гражданскому листу (по штатам)".

Все подписывают, многие явно с неудовольствием. Если верить показаниям современников, то Марш сказал: "Народ подождет еще немного; он отдает три месяца нищеты в распоряжение республики". Но народ, на терпенье которого так легкомысленно рассчитывали, не выказывал теперь желаний ждать три месяца. Утром 28-го февраля, в день, когда республика должна была быть официально провозглашена на площади Бастилии, несколько тысяч рабочих, сгруппированных по производствам, заполнили Гревскую площадь; они несли знамена, на которых можно было прочесть слова: "министерство прогресса -

организация труда - уничтожение эксплуатации человека человеком". Новая народная депутация предстала перед временным правительством.

Среди членов правительства царило большое беспокойство. За два дня до этого умеренные, испугавшись своих собственных декретов, пришли к заключению, что они не могут санкционировать слова, так далеко опережающие их мысли. Ламартин явился защитником их мнения. Он отказывается подписать новый декрет, который требуют от правительства, и все его коллеги почти единогласно встают на его сторону. Луи Блан и Альбер заявляют о своем выходе из правительства. Но ведь, баррикады еще слишком памятливы. Не послужит ли это сигналом для возобновления уличных боев? Ищут возможности соглашения. Если бы Луи Блан и Альбер согласились возглавлять комиссию, которая заседала бы в Люксембурге и с помощью самих рабочих составила бы план организации труда! Комиссия вместо министерства; совещательное собрание вместо исполнительного органа! Ни денег, ни власти для осуществления желанных реформ. Курс лекций о голоде перед голодающими; болтовня "вокруг да около пустого горшка". Не имея никакого желания организовать труд, да и не зная, как за это приняться, поспешили организовать государственную милостыню. 27-го февраля был издан следующий декрет: "Временное правительство постановляет учредить национальные мастерские. Проведение этого декрета возлагается на министра общественных работ".

Другая мера дополняла эту - создание мобильной гвардии. В нее брали юношей из предместья, из которых многие дрались на баррикадах; им было назначено жалованье в 1,5 франка за день. Большинство временного правительства надеялось привлечь к себе этими двумя мерами рабочих, которых оно боялось. Быть-может, оно думало вытравить этим идеи о социальном перевороте, бродившие в головах наиболее смелых. Быть-может, у него была иллюзия, что оно делает все, что возможно и дозволено, для улучшения положения рабочих, упражняясь, как об этом выразился Ламартин, в "принципах филантропии среди различных классов граждан".

Ничто другое не могло яснее вскрыть разногласия среди членов правительства. Где большинство говорило: благотворительность, - там меньшинство возражало: справедливость. Вся политика временного правительства по рабочему вопросу протекала в этих противоречиях.

МАРТОВСКИЕ БОИ В БЕРЛИНЕ

I. Бой на Егерштрассе и на Фридрихштрассе.

Очевидец рассказывает: баррикада на Егерштрассе, признанная слабой и неустойчивой, была немедленно оставлена ее защитниками. Лишь два молодых человека, в одежде ремесленников, безбоязненно ожидали, прислонившись к брустверу, приближающегося врага. Один из них, постарше и посильнее, держал старое ружье на изготовке. Второй, мальчик, на вид 15-ти или 16-ти лет, был вооружен кривой, заржавленной саблей. Батальон подошел ближе. Старший из защитников

баррикады, девятнадцатилетний подмастерье, сейчас же разрядил свое ружье в наступающих, но почти немедленно получил в ответ пулю, раздробившую ему левую руку и лишившую его возможности продолжать неравный бой. У баррикады оставался теперь лишь один защитник, слесарский ученик Эрнст Цинна, родившийся в Берлине 8-го сентября 1830 года. При приближении отряда мальчик выскочил вдруг из-за баррикады, слепо бросился на одного из идущих впереди офицеров и, напрягши все свои силы, нанес ему своим оружием мощный удар в шею. Офицер, так неожиданно атакованный и пораженный смелостью мальчика, отскочил, видимо, раненый. Но сейчас же раздался выстрелы шести или восьми винтовок, направленных в мальчика, который, ловко пригнувшись, чудесно избежал почти неизбежной смерти. Он поспешно схватил три огромных булыжника, бросил их, один за другим, в солдат, продвигающихся к Таубенштрассе, и хотел бежать. На этот раз отступление ему не удалось: одна из многочисленных пуль настигла его. Он закрыл обеими руками сильно кровоточащую рану в животе и вбежал в раскрытую дверь дома, не испугавшись, не выразив ни одной чертой своего лица физической боли. Вскоре после этого он умер.

II. Баррикада у Кельнской ратуши

Рельнтаб, редактор "Фоссие Цейтунг", описывает события так:

Смеркалось. На баррикаде замелькали огоньки, засветились красные бивуачные костры. Около 7 часов раздался первый выстрел. Вскоре приблизилась большими колоннами пехота, разделилась и расположилась по обеим сторонам улицы, проходя по тротуарам мимо домов. Все двери были заперты, дома по улице, идущей к Кельнскому рынку, были освещены. Вначале мы услышали стрельбу пачками, потом началась непрерывная стрельба... Через четверть часа такой стрельбы стало тихо, и вскоре войска начали возвращаться более мелкими частями, чем при наступлении. Вели раненых, гнали пленных. Баррикада не была взята; но некоторые дома, откуда велась стрельба, были взяты штурмом, и там захватили пленных. Через короткий промежуток - вновь выстрелы с баррикады. И сейчас же войско начало атаку. Около 9-ти часов, после того как бой три раза начинался и прекращался, улицы внезапно загремели от пушечных колес. Пехота расступилась на обе стороны, и мы увидели въезжающие орудия, которые остановились за, два дома от моего и были сняты с передков. Орудия гремели, окна дрожали... (Атака возобновлялась четыре - пять раз). Время-от-времени мы слышали взрывы неистового крика; но это не было ни знаком победы, ни знаком поражения... До часу ночи продолжались эти бои, повторяясь все время одинаковым образом, но напоследок огонь артиллерии и пехоты усилился. Затем все стихло.

III. Бой на Кенигштрассе

По рассказу одного очевидца: "Было 2 часа; я сидел за столом в гостинице "Кронпринц", находящейся на середине Кенигштрассе... Три четверти третьего. Вдруг раздается дикий крик со стороны Моста Курфюрста. Толпы бегут по улице; появляются граждане, взволнованные до бешеной ярости, хрипящие, бледные, задыхающиеся. Они кричат: в нас только-что стреляли на Дворцовой площади. Крик ярости и мести проносится по Кенигштрассе, по всему городу. Город бушует, словно земля разверзлась. Разламывают мостовую, растаскивают склады оружия, штурмуют дома, приносят топоры, колуны. В мгновение ока, по Кенигштрассе вырастают двенадцать баррикад из пролетов, из вагонов омнибуса из мешков с шерстью, из балок, из опрокинутых колодезных корпусов, - крепкие, образцово выстроенные баррикады. Дом за домом разбираются крыши. По краям, на головокружительной высоте, стоят люди с кирпичами в руках, ожидая солдат. Оружейники под угрозами народа выбрасывают оружие к дверям: все вооружены - вилами, шпагами, копьями, пистолетами, дубинами; мальчики проникают в дома и вносят на крыши большие корзины с камнями. Собираются захватить здание городского суда, чтобы завладеть позицией для сбрасывания из окон; тогда несколько человек из гостиницы "Кронпринц" пишут мелом на ставнях городского суда: "собственность граждан", и все отступают. Освобождают арестованных из долгового отделения, обитателей так-называют "бычьей головы"; попытка завладеть караульнями пакгауза и кадетского корпуса не удается. Со стороны Александерплатца появляется вдруг необычайное шествие. Впереди молодой улан, повидимому, поляк, в польской шапочке, со шпагой в руке; он кричит: "Да здравствует свобода!". Затем барабанщик, затем несколько знаменосцев с красными и желтыми флагами, затем около двухсот человек со шпагами, палашами, лопатами, пистолетами, топорами, вилами, флаги, в большинстве красные, водружаются на баррикадах, люди укрепляются за баррикадами; у окон, на крышах расположились мужчины с камнями. Приходит известие, что весь город в баррикадах, что город поднялся, как-один человек. Между четырьмя и пятью часами разрывается первая картечь по Кенигштрассе со стороны Моста Курфюрста; она не разрушила баррикады. Пушечный гром раздается удар за ударом, баррикада трясется; растерзанные трупы лежат по углам улицы; Между пятью и шестью часами появляются пикеты пехоты. По ним стреляют из окон, на них сбрасывают камни с крыш. Начинается ужасная резня; солдаты захватывают дома, из которых бросали камни и стреляли; жертв множество, среди солдат в общем мало. Из номеров гостиницы стреляют, и потому їй приходится выдерживать жестокую атаку. Солдаты врываются в комнаты и убивают стреляющих; затем солдаты располагаются у окон комнат и направляют ружья на крыши, с которых сбрасывали камни; они даже влезают на крыши и сводят людей вниз. Около 7-ми часов Кенигштрассе захвачена после большого кровопролития... Бьют в набат... Около 9-ти часов я пытаюсь пройти

домой. На Шпандауерштрассе я видел гигантские баррикады, даже маленькая улица св. Духа была так забаррикадирована, что мне приходилось пробираться ползком. Едва я вышел на Бургштрассе, как передо мной открылась ужаснейшая сцена. На мосту Фридриха люди с флагами, над ними и по ним картечь и пушечные выстрелы; мне навстречу бегут раненые. Я тороплюсь назад; солдаты расположились бивуаком на Кенигштрассе".

ТАК-НАЗЫВАЕМОМУ ГЕРМАНСКОМУ КОРОЛЮ В БЕРЛИНЕ **

Милостивый государь! Вы присвоили себе звание немецкого короля и объявили, что хотите стать во главе пробудившегося для свободы немецкого народа.

Милостивый государь! Немецкий народ считает это присвоение незаконным и со всей решимостью отклоняет Ваше притязание считаться вождем и правителем его новых возвышенных исторических судеб.

Вы не можете быть немецким королем, не можете возглавлять свободный немецкий народ на пути славы. Вы лишились последних прав на это высокое предназначение.

Кто из всех немецких государей наиболее решительно примкнул к проклятой системе угнетения, проводившейся тем плутом, которого храбрый венский народ изгнал и чей портрет, вместо самого обвиняемого, вздернули на виселицу? - Это Вы!..***

Кто в Пруссии упрямо отвергал в течение семи лет справедливые желания иметь народное представительство, и кто преследовал патриотов, высказывающих это желание? - Это Вы!

Кто пытался, когда сила обстоятельств не позволила больше задерживать конституцию, отвести народу глаза при-помощи жалкого гермафродита, при помощи привилегии от 3-го февраля 1847 года? - Это Вы!

Кто окончательно уничтожил жалкие крохи государственной свободы, которая оставалась в Пруссии при Фридрихе-Вильгельме III со времен Штейна, и кто заполнил все государственные посты консервативными, ультра-консервативными или, что одно и то же, реакционными креатурами, которые преследовали, тормозили и угнетали каждое свободное проявление: духа? - Это Вы!

Кто совместно с Меттернихом тормозил развитие конституционной жизни через посредство сейма в остальных немецких государствах? - Это Вы!

Кто одобрил и прикрыл преступление наглой, не имеющей никаких заслуг солдатни, надсмевшейся над всеми правами, над всякой разумностью, над всеми обычаями свободных граждан, и кто подкрепил эти преступления тем, что отменил приговор, наложенный на преступников судьями, и без того расположенными в их пользу? - Это Вы!

** Выдержка из одной либеральной листовки.

*** Речь идет об австрийском министре Меттернихе.

Кто допустил безжалостно расстрелять голодных силезских ткачей, не наказав их убийц? - Это Вы!

Кто в своей тронной речи, в 1847 году, со всей решимостью и откровенностью объявил войну тому духу, который ныне стоит победоносно перед Вами, и руководителем которого Вы хотите теперь быть? - Это Вы!

Кто надсмехался над справедливым требованием немецкого народа о свободе печати, после того как и сами господствующие классы пришли к заключению, что институт цензуры долее неприемлем, - кто надсмехался над этим, предложив проект закона о печати, который должен был сковать прессу еще сильнее, чем сама цензура? - Это Вы!

Кто в самое недавнее время, когда движение, во главе которого Вы теперь хотите стать, уже шло победоносно, - помог южным немецким правительствам оказать отчаянное сопротивление этому движению и обеспечить победу реакции? - Это Вы!

Наконец, кто из немецких князей устроил такую кровавую баню своим гражданам, как Вы?..

Вот те пункты, которые пришли нам в голову в первый момент, но их вполне достаточно, чтобы глаза немецкого народа с негодованием отвернулись от Вас. Нет! Будучи такотягчены преступлениями. Вы не можете быть германским королем!

Михаил БАКУНИН - Георгу Гервегу

апрель 1848 г.

Большая часть Германии находится в волнении, хотя, собственно, революции нет, что, однако, не мешает немцам говорить за ренвейном о "внутренней революции". Впрочем, как говорят, в Берлине стало оживленнее, в Бадене, без сочинения, уже дерутся. Отсутствие всякой централизации становится теперь чувствительней, чем когда-либо. Там, в Ахене (за шесть часов езды от Кельна) рабочие уже шесть дней отчаянно дерутся с буржуазией, в то время как здесь (в Кельне) царит мертвая тишина. Хотя и здесь уже имеется много клубов, где немец с гордостью упивается свободой слова, но революции здесь нет и в помине. Во Франкфурте было значительно оживленнее, и оживление возобновится в мае, как только соберутся депутаты из всех областей Германии. Я познакомился там, по крайней мере, с пятьюдесятью деятельными, энергичными и влиятельными демократами и особенно сдружился с тремя из них: с Якоби из Кенигсберга, с графом Рейхенбахом из Силезии и с отставным артиллерийским лейтенантом Виллихом, который был изгнан из прусской армии за распространение коммунистических идей. Последнему вверено теперь командование над соединенной революционной армией, состоящей из баденских крестьян и немецких эмигрантов из Парижа и Швейцарии. Там же подвизается теперь наш друг Гервег, но о нем я ничего не слышал... Будет плохо, если их постигнет неудача, ибо хотя реакция и разбита, но ее остатки появляются еще повсюду и грозят беспрерывно. Могущество

принадлежит теперь не королям, не князьям, но буржуазии, которая отчаянно отвергает республику, как нечто такое, что ведет за собой социальные вопросы и победу демократии. Впрочем» республика в Германии неизбежна: старая власть повсюду разлетается в обломки, она повсюду лишена инициативы. Германия находится в состоянии антиреволюционной анархии, и только республика может уничтожить ее, заменить собой опозоренный немецкий союз и дать Германии единство - этот идеал каждого немца. "Объединенная Германия"! Вряд ли вы можете себе представить, сколько глупостей уже говорилось на эту тему. За эти четырнадцать дней немец очень много разглагольствовал, и ему хочется, чтобы все это было напечатано. Что в Германии живо, так это начинающий пробуждаться пролетариат и крестьянское сословие; здесь еще будет ужасная революция, настоящий поток взрывов. Этот поток снесет с поверхности земли все обломки старого мира, и тогда доброму, болтливому бюргеру будет плохо, очень плохо. Симптомы этой революции проявляются повсюду: денег в стране очень мало, покупателей еще меньше, заводы не работают, и число безработных увеличивается с каждым днем. Демократическая революция разразится здесь не позже двух-трех месяцев" ее вожди постепенно организуют теперь свои силы и стараются внести согласованность в революционное движение по всей Германии; в умных, способных людях нет недостатка, и они умеют хорошо действовать. Филистер же занимается теперь тремя видами: во-первых, он готовится к выборам в немецкий парламент, который откроется 1-го мая во Франкфурте и должен будет решить, какую форму правления надлежит получить Германии: республику или монархию. Во-вторых, он принимает всевозможные меры против народа, он вооружается, наполовину с ужасом. И, в-третьих, он посылает молодых людей против Дании, чтобы спасти немецких братьев в Шлезвиге. Это шлезвиг-голштинское движение абсолютно реакционно; во главе его стоит прусский король: "пусть будет доказано, что и короли заботятся о славе и достоинстве великой немецкой нации"! Удивительно! Немец объявляет Шлезвиг немецкой страной, хотя половина тамошнего населения - датчане; а в Познани, где немец уселся силой, путем всяких беззаконий и всяких подлых средств, филистер не хочет признавать... польских прав. Вообще познанские немцы ведут себя гнуснейшим образом, что вам, конечно, будет известно из газет. Для нас это хорошо.

Фердинанд Фрейлиграт

ВОЗЗВАНИЕ МЕРТВЫХ К ЖИВЫМ

О, горе вам! Немного дней в могиле мы проспали,
А вы уж промотали все, что мы вам с бою брали.
Что наша смерть вам принесла, - потеряно беспутно:
Под нашей гробовой доской все слышали мы смутно.
Как моря шум, к нам донеслись страны все преступленья:
Войны с датчанами позор, над Польшею глумленья;
Вандеи буйный произвол среди глухих провинций;

И возвращенье солдатни и возвращенье принца;
Позор на Майнце, трирский стыд; разоруженье силой
Народной гвардии, что штык с недавних пор носила;
Штурм арсенала подвести под воровское дело -
Вот подлость, что и нас в гробу опять задеть хотела;
И баррикад последний час; над словом поруганье;
И угнетенье вечных прав свободного собрания;
И стук глухой по всей стране тюремного засова;
Для всех, кто за народ стоит, кандалные оковы;
Союз с казаками царя и зверская расправа
Над вами, кто почетных дней достоин был по праву:
Вы, что желанный ураган грознее всех взметали,
Борцы июньских баррикад! Вы, что победно пали!
Затем измена здесь и там, на Майне сейм за плату, -
Народ, неужли фартук твой таит лишь мир крылатый?
Быть-может, прячешь в нем войну? Тогда тряхни плечами!
Давай последнюю войну с твоими палачами!
"Республика" - твой будет клич, грознее урагана,
Пусть заглушит колокола - поповские обманы!
Напрасно все! Придется вам нас вырыть из могилы,
На окровавленной доске поднять, как это было!
Но не затем, чтоб показать нас, как тогда, тирану, -
Нет, вместе с нами вы должны пойти по дальним странам!
По чердакам, по площадям! Потом внесите трупы,
Их на носилки положив, в парламентские группы.
О, страшный вид! Лежали б там в грязи, в земле и в травах.
Наполовину телом сгнив, - правители по праву, -
Шепча: не сгнив, могли ли мы такого ждать афронта -
Свобода ваша уж сгнила, прекрасные архонты!
Зерно упало, что росло, когда мы умирали:
Свободы мартовский посев еще незрелый сняли!"
Лишь мак по полю здесь и там избег косы ударов.
О, если б гнев, народный гнев краснел в стране пожаром!

Фридрих Энгельс

ИЮньский бой в Париже

Июньская революция начинает постепенно входить в сферу рассмотрения. Показания пополняются, появляется возможность отделить факты от слухов и от измышлений, характер восстания вырисовывается все яснее. И чем более удастся кому-либо охватить события четырех июньских дней в их связи, тем более удивляются колоссальным размерам восстания, героической отваге, быстроте организации, единодушию инсургентов. План боя рабочих, принадлежавший Керкози, другу Распайля и бывшему офицеру, был следующий: инсургенты наступали на ратушу четырьмя колоннами концентрическим движением. Первая колонна, операционной базой

которой были предместья Монмартр, Ла-Шапель и Ла-Виллет, шла от застав Пуасоньер, Рошшуар, Сен-Дени и Ла-Виллет к югу, заняла бульвары и приблизилась к ратуше по улицам Монторгейль, Сен-Дени и Сен-Мартен. Вторая колонна, базой которой были почти сплошь заселенные рабочими и защищенные каналом Сен-Мартен предместья Дю-Тампль и Сент-Антуан, двигалась по улицам Дю-Тампль и Сент-Антуан и по набережным северного берега Сены, а также по всем параллельным улицам этого квартала, к тому же самому центру. Третья колонна, имея базой предместье Сен-Марсо, двигалась по улице Сен-Виктор и набережным южного бассейна Сены к острову, где расположен "Старый город" (Cite). Четвертая колонна, опираясь на предместье Сен-Жак и на окрестность медицинской школы, двигалась по улице Сен-Жак к "Старому городу". Отсюда обе колонны, соединившись, прошли по правому берегу Сены и направились к ратуше с тыла и фланга.

Этот план вполне правильно опирался на рабочие кварталы, которые охватывают всю восточную половину Парижа полу-кругом и все более расширяются к востоку. Восточная часть Парижа должна была быть очищена от врагов в первую очередь, а затем предполагалось двинуться по обоим берегам Сены на западную часть и ее центры - Тюльери и национальное собрание.

Эти колонны должны были поддерживаться многочисленными летучими отрядами, которые самостоятельно оперировали около и между колонн, выстраивали баррикады, занимали маленькие улицы и поддерживали связь. На случай отступления операционные базы были сильно укреплены и превращены по всем правилам в грозные крепости. Так были укреплены поле

Сен-Лазар, предместье и квартал Сент-Антуан и предместье Сен-Жак.

Если в этом плане и была ошибка, то она заключалась в том, что к началу операций западная половина Парижа была оставлена без внимания. А там, по обеим сторонам улицы Сент-Онорэ, примыкая к галереям и к Национальному Дворцу, раскинулось несколько весьма удобных для восстания кварталов, с очень узкими и кривыми улицами, населенных преимущественно рабочими. Было важно заложить здесь пятый очаг восстания и тем самым не только отрезать ратушу, но и отвлечь большую часть войск к этому передовому бастиону. Победа восстания зависела от возможности скорее пробиться в центр Парижа, чтобы обеспечить захват ратуши. Мы не можем знать, насколько невозможно было для Керкози организовать здесь восстание, но факты показывают, что не удалось еще ни одно восстание, которое не сумело прежде всего овладеть этим центром Парижа, примыкающим к Тюльери. Мы напомним лишь о восстании при похоронах генерала Ламарка, которое также продвинулось до улицы Монторгейль, но затем было вновь отбито.

Инсургенты двинулись по своему плану. Двумя главными укреплениями они начали сейчас же отделять свою территорию, Париж рабочих, от Парижа буржуазии: баррикадами у ворот Сен-Дени и баррикадами "Старого города". Из первых их выбили, в последних они утвердились. Первый день, 23-го числа, был только прологом. План инсургентов выявился уже после первых утренних стычек передовых отрядов. Бульвар Сен-Мартен, прорезывающий операционную линию первой колонны, стал ареной сильных боев, окончившихся здесь, частью из-за условий местности, победой "порядка".

Подступы к "Старому городу" были отрезаны справа летучим отрядом, который укрепился в улице Планш-Мибрэй, слева - третьей и четвертой колоннами, которые заняли и укрепили три южных моста. Также и здесь разразился очень сильный бой. Защитникам "порядка" удалось овладеть мостом Сен-Мишель и пробиться до улицы Сен-Жак. Они льстили себя надеждой подавить восстание еще до вечера.

Если план инсургентов выявился уже вполне отчетливо, то. план "порядка" был еще яснее. Его намерение состояло прежде всего в том, чтобы какими - угодно средствами подавить восстание. Это намерение он возвестил мятежникам пушечными ядрами и картечью. Но правительство думало иметь дело с грубой бандой обыкновенных, неорганизованных бунтовщиков. Когда к вечеру главные улицы были очищены, оно объявило, что мятеж ликвидирован, после чего очень беспечно. заняло захваченные кварталы войсками.

Инсургенты сумели превосходно использовать эту беспечность, чтобы вести большой бой после передовых стычек 23-го числа. Вообще достойно удивления, как быстро рабочие освоились с операционным планом, как дружно работали они рука-об-руку, как ловко сумели они использовать запутанную территорию. Это было бы совершенно необъяснимым, если не припомнить, что рабочие были организованы по-военному и разделены по ротам уже в национальных мастерских, так что им пришлось лишь применить свою промышленную организацию к военной деятельности, чтобы образовать сейчас же вполне расчлененную армию.

Утром 24-го числа была занята вновь вся потерянная территория и захвачена новая. Линия бульвара, вплоть до бульвара дю-Тампль, оставалась, правда, в руках войска, и тем самым первая колонна была отрезана от центра, зато вторая колонна проникла из квартала Сент-Антуан так далеко, что почти окружила ратушу. Она расположила свой штаб в церкви Сен-Жервэ, завладела монастырем Сен-Мери и окрестными улицами; она проникла далеко за ратушу и почти целиком отрезала ее совместно с колоннами "Старого города". Лишь один путь оставался открытым: набережная правого берега. На юге было вновь занято все предместье Сен-Жак, восстановлена связь со "Старым городом"; "Старый город" был подкреплен новыми силами, и был подготовлен переход на правый берег.

Теперь "порядку" во всяком случае нельзя было терять времени: ратуша, революционный центр Парижа, была осаждена и должна была

пасть, если не будут приняты самые решительные меры.

Испуганное национальное собрание назначило Кавеньяка диктатором, и этот последний, привыкший еще с Алжира к "энергичным" действиям, знал, что нужно делать. Десять батальонов немедленно двинулись вдоль широкой набережной (Кэй д'Эколь) к ратуше. Они разорвали связь инсургентов "Старого города" с правым берегом, оградили ратушу от опасности и даже атаковали баррикады, окружавшие ее. Улица Планш-Мибрэй и ее продолжение, улица Сен-Мартен, были очищены и впредь охранялись кавалерией. Противолежачий мост Нотр-Дам, ведущий в "Старый город", был очищен тяжелой артиллерией, и Кавеньяк двинулся прямо на "Старый город", чтобы продолжать там "энергичные" действия. Главный опорный пункт инсургентов Белль-Жардиньер был сначала расстрелян ядрами, затем подожжен брандкугелями; улица де-ла-Ситэ была также захвачена при помощи пушек, три моста по левому берегу были взяты штурмом, и инсургенты на левом берегу были решительно отброшены. Между тем, 14 батальонов, стоявших на Гревской площади и на набережных, освободили уже осажденную ратушу, и церковь Сен-Жервэ из главной квартиры обратилась в отрезанный форпост инсургентов.

Улица Сен-Жак была не только обстреляна артиллерией со стороны "Старого города", но и атакована с фланга, со стороны левого берега. Генерал Дамем проник вдоль Люксембурга к Сорбонне, захватил Латинский квартал и послал свои колонны на Пантеон. Площадь Пантеона была превращена в грозную крепость. Улица Сен-Жак была уже давно взята, но здесь "порядок" все еще разбивался о неприступный бастион. Пушечные и штыковые атаки не привели ни к чему. Наконец, изнеможение, недостаток патронов и угроза поджогов со стороны буржуа заставили сдаться окруженных со всех сторон полторы тысячи рабочих. К этому времени площадь Мобер, после долгой, стойкой обороны, очутилась в руках "порядка", и инсургенты, выбитые из своих сильнейших позиций, были принуждены отдать весь левый берег Сены.

Между тем, позиция войск и национальной гвардии на бульварах правого берега Сены была также использована, чтобы действовать с обеих сторон. Ламорисьер, командовавший здесь, приказал очистить улицы предместья Сен-Дени и Сен-Мартен, бульвар дю-Тампль и половину улицы Тампль огнем тяжелой артиллерии и стремительными атаками. Он мог гордиться, добившись к вечеру блестящих успехов: он отрезал первую колонну в Сен-Лазаре и наполовину окружил ее, отеснил вторую и вбил в нее клин своим продвижением по бульварам.

Благодаря чему Кавеньяк добился успеха? Во-первых, благодаря необычайному перевесу в силах, которые он мог развернуть против инсургентов. 24-го числа в его распоряжении было не только 20.000 человек парижского гарнизона, 20.000-25.000 мобильной гвардии и 60.000-80.000 национальной гвардии, но и вся национальная гвардия окрестностей Парижа и некоторых отдаленных городов (20.000-30.000 человек), а также 20.000-30.000 солдат, спешно мобилизованных из окружных гарнизонов. Утром 24-го числа в его распоряжении находилось

значительно более 100.000 человек, к вечеру увеличенных еще наполовину. У инсургентов же было самое большее 40.000-50.000 человек.

Во-вторых, при помощи беспощадных мер, которые он применил. До сих пор пушечная стрельба применялась на улицах Парижа лишь один раз, в вандемьере 1795 г., когда Наполеон разогнал картечью инсургентов на улице Сент-Онорэ. Но никогда еще артиллерия, тем более гранаты и зажигательные ядра не направлялись на баррикады и дома. Народ не был подготовлен к этому; против этого он был беззащитен, а поджоги, единственное противодействующее средство, которым он располагал, противоречили его благородству. До сих пор народ не имел никакого представления об этом алжирском способе войны посреди Парижа. Поэтому он отступил, и первое отступление решило их поражение.

25-го числа Кавеньяк выступил еще с большими силами. Инсургенты были стиснуты в один квартал - в предместья Сент-Антуан и Дю-Тампль; помимо этого, они занимали еще два выдвинутых пункта - Сен-Лазар и часть квартала Сент-Антуан до моста Дамьет.

Кавеньяк, получивший еще 20-30 тысяч человек подкрепления со значительной артиллерией, велел атаковать в первую очередь отрезанный форпост инсургентов - Сен-Лазар. Здесь инсургенты укрепились, как в цитадели. После двенадцатичасовой бомбардировки ядрами и гранатами Ламорисьеру удалось, наконец, выбить инсургентов из их позиций и занять Сен-Лазар; ему удалось достигнуть этого, лишь обеспечив возможность фланговой атаки со стороны улиц Рошешуар и Пуасоньер, которую он подготовил, разгромив баррикады в первый день сорока орудиями, во второй - еще большим количеством.

Другая часть его колонн пробилась через предместье Сен-Мартен в предместье Дю-Тампль, но не имела значительного успеха; третья часть двинулась вниз по бульварам к Бастилии. Но также не много выиграла, ибо целый ряд грозных баррикад пал лишь после упорного сопротивления, не устояв против сильной бомбардировки. Бомбардировка произвела здесь ужасное разрушение домов.

Колонна Дювивьера, атаковавшая со стороны ратуши, с боем оттесняла инсургентов все дальше и дальше. Была взята церковь Сен-Жервэ; улица Сент-Антуан была очищена на далекое расстояние от ратуши, и несколькими колоннам, двигавшимся вдоль набережной и параллельных ей улиц, удалось взять мост Дамьет, посредством которого инсургенты квартала Сент-Антуан общались с товарищами на островах Сен-Луи и "Старого города". Квартал Сент-Антуан был отрезан с фланга, и инсургентам оставалось лишь отступление в предместье, которое они и произвели, сражаясь с колонной, двигавшейся по набережной до устья канала Сен-Мартен и оттуда, вдоль канала, по бульвару Бурдон. Немногие отрезанные инсургенты были изрублены, и лишь несколько человек взято в плен. Благодаря этой операции, были захвачены квартал Сент-Антуан и площадь Бастилии. К вечеру колонне Ламорисьера удалось окончательно захватить бульвар Бомарше и соединиться на площади

Бастилии с отрядом Дювивьера. Захват моста Дамьет дал возможность Дювивьеру прогнать инсургентов с острова Сен-Луи и с острова Лувьер. Он совершил это с достойной особым вниманием алжирской свирепостью. В немногих кварталах города тяжелая артиллерия применялась с таким опустошающим успехом, как на острове Сен-Луи. Но кто об этом беспокоился? Инсургенты были отброшены и перебиты, и "порядок" торжествовал среди обрызганных кровью развалин.

Оставалось овладеть еще одной позицией на левом берегу Сены. Аустерлицкий мост, соединяющий, к востоку от канала Сен-Мартен, предместье Сент-Антуан с левым берегом Сены, был сильно забаррикадирован, и на левом берегу, там, где этот мост выходит на площадь Д'Аламбер, перед Ботаническим садом, находилось сильное предместное укрепление. Это укрепление, последняя опора инсургентов на левом берегу после падения Пантеона и площади Мобер, было взято после жестокого сопротивления.

Таким образом, к 26-му числу у инсургентов остается лишь последняя крепость, предместье Сент-Антуан и части предместья Дю-Тампль; оба предместья не очень удобны для уличных боев; в них довольно широкие и совсем прямые улицы, представляющие прекрасную арену для артиллерии. С западной стороны они хорошо прикрыты каналом Сен-Мартен, но с северной совсем открыты. Здесь пролегают пять или шесть совершенно прямых и широких улиц, спускаясь в самое сердце предместья Сент-Антуан.

Главные укрепления были возведены на площади Бастилии и на важнейшей улице квартала улице "Предместья Сент-Антуан". Здесь были сооружены баррикады чрезвычайной мощи, частью сложенные из огромных плит мостовой, частью исколоченные из балок. Они были построены углом отчасти для того, чтобы ослабить действие пушечных ядер, отчасти в целях создания большей оборонительной линии для перекрестного огня. В домах были пробиты брандмауеры, и таким образом целый ряд их был приведен в связь между собой, и инсургенты смогли, смотря по обстоятельствам, либо открыть огонь по войскам, либо отступить за баррикады. Мосты и набережные канала и параллельные каналу улицы были также сильно укреплены. Короче, оба еще занятых предместья походили на настоящую крепость, в которой войска должны были отвоевывать кровью каждый дюйм земли.

Утром 26-го июля бой должен был начаться снова. Но у Кавеньяка не было ни малейшего желания посылать своих солдат в эту сеть баррикад. Он угрожал бомбардировкой. Выехали мортиры и гаубицы. Велись переговоры. В то же время Кавеньяк приказал минировать ближайшие дома, что, конечно, могло быть сделано лишь в ограниченной мере, из-за краткости времени и благодаря прикрытию одной из атакуемых линий каналом. Он приказал также соединить уже занятые дома с прилегающими к ним, пробив брандмауеры.

Переговоры потерпели неудачу; вновь начался бой. Кавеньяк приказал генералу Перро вести атаку со стороны предместья Дю-Тампль, а генералу Ламорисьеру - со стороны площади Бастилии. В обоих пунктах баррикады подверглись сильной бомбардировке. Перро пробился довольно скоро, взял остаток предместья Дю-Тампль и в некоторых местах проник даже до предместья Сент-Антуан. Ламорисьер двигался медленнее. Первые баррикады продолжали держаться против его пушек, хотя крайние дома предместья и были зажжены уже гранатами. Он снова вступил в переговоры. С часами в руках он ждал той счастливой минуты, когда сумеет расстрелять в пух и прах наиболее населенный квартал Парижа. Наконец, одна часть инсургентов капитулирует, в то время как другая, атакованная с флангов, отступает после короткого боя из города.

Это было концом июньской борьбы на баррикадах. Вне города происходили еще перестрелки, но они не имели никакого значения. Бежавшие инсургенты были рассеяны по окрестностям и переловлены поодиночке кавалерией.

Мы дали это чисто-военное описание боя, чтобы доказать нашим читателям, с какой геройской смелостью, с какой дисциплиной и с каким военным искусством дрались парижские рабочие. 40.000 их дрались четыре дня против четверо сильнее врага и лишь на волосок не достигли победы. Еще немного, и они бы укрепились в центре Парижа, взяв ратушу; они бы избрали временное правительство и удвоили бы число своих сторонников из захваченных кварталов и из мобильной гвардии, которая ждала тогда лишь толчка, чтобы присоединиться к ним.

Немецкие газеты утверждают, что это был решительный бой между красной и трехцветной республикой, между рабочими и буржуазией. Мы убеждены, что этот бой предрешает прежде всего поражение самих победителей. В остальном весь ход дела доказывает, что рабочие должны победить не в очень отдаленном будущем; чисто-военное рассмотрение дела дает уже это убеждение. Если 40.000 парижских рабочих могли создать такую угрозу четырежды сильнейшему противнику, то что же сумеет сделать вся масса парижских рабочих, если она начнет действовать единодушно и организованно?..

Керкози схвачен и в данный момент, вероятно, уже расстрелян. Буржуазия может его расстрелять, но отнять у него славу первого организатора уличного боя она не в силах. Они могут его расстрелять, но никакая власть в мире не может помешать, чтобы его замысел был использован в будущем при всех уличных боях. Они могут его расстрелять, но не в силах помешать, чтобы его имя вошло в историю, как имя первого фельдмаршала баррикад.

Карл Маркс

ИЮНЬСКИЙ БОЙ ПАРИЖСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА ****

**** Из «Новой Рейнской газеты» («Гражданская война во Франции»).

Парижские рабочие раздавлены превосходством силы, но не склонились. Они разбиты, но побежден их враг. Временный триумф грубой силы куплен ценой уничтожения всех обманов и иллюзий февральской революции, разложение всей старой республиканской партии, распада францужской нации на две, разделенные пропастью нации: нацию собственников и нацию рабочих. Трехцветная республика сохраняет теперь только один цвет - цвет разбитых, цвет крови. Она стала красной республикой. На стороне народа ни одного республиканского имени, от газеты "Националь" до газеты "Реформ". Не имея никаких других вождей, никаких других средств, кроме самого возмущения, народ сопротивлялся буржуазии, соединившейся с солдатней, дольше, чем какая-либо французская династия, снабженная всем военным аппаратом, сопротивлялась какой-либо фракции буржуазии, соединившейся с народом.

Чтобы исчезла последняя иллюзия народа, чтобы окончательно порвать с прошлым, нужно было, чтобы обычный поэтический гарнир французских мятежей, проникнутая энтузиазмом буржуазная молодежь, питомцы Политехнической школы, треугольные шляпы, встали на сторону угнетателей. Воспитанники медицинского факультета должны были отказаться в помощи науки раненым плебеям. Наука не существует для плебея, который совершил неопишное, несказанное преступление, позволив себе броситься в борьбу за свое собственное существование, а не за Луи-Филиппа или за господина Марра!

Последний официальный остаток февральской революции, исполнительная комиссия, растаяла, подобно миражу, перед значительностью событий: фейерверк Ламартина превратился в бомбы Кавеньяка.

"Fraternite" - братство противоположных классов, из которых один эксплуатирует другой, это братство, провозглашенное в феврале, написанное крупными буквами на челе Парижа, на каждой тюрьме, на каждой казарме, в его истинном, неподдельном, в его прозаическом выражении есть не что иное, как гражданская война, - гражданская война в ее ужаснейшей форме, война труда и капитала. Это братство пылало перед всеми окнами Парижа вечером 25-го июня, когда Париж буржуазии был иллюминирован, а Париж пролетариата сгорал, обливался кровью, исходил стонами.

Братство продолжалось лишь до тех пор, пока интересы буржуазии совпадали с интересами пролетариата. Педанты старой революционной традиции 1793 года, социалистические систематики, попрошайничавшие для народа у буржуазии, которым разрешалось держать длинные проповеди и компрометировать себя до тех пор, пока необходимо было усыплять и убаюкивать пролетарского льва; республиканцы, которые требовали сохранения всего старого буржуазного строя за вычетом коронованной головы; династическая оппозиция, которой случай подсунил вместо смены министерства падение династии; легитимисты, которые не сбросили своей ливреи, а лишь изменили ее покрой, - вот те

союзники народа, с которыми он совершил свой февраль. То, что он инстинктивно ненавидел в Луи-Филиппе, был не сам Луи-Филипп, но коронованное господство одного класса, капитал на троне. Но, всегда великодушный, народ воображал, что он уничтожил своего врага, сбросив врага «своих врагов, общего врага».

Февральская революция была красивой революцией, - революцией, пользующейся всеобщей симпатией, ибо противоречия, которые выразились в ней, как борьба против монархии, оставались в неразвитом состоянии и мирно дремали рядом, ибо социальная борьба, составлявшая ее подоплеку, приобрела лишь воздушное существование, существование фразы, слова. Июньская революция - отвратительная революция, отталкивающая революция, ибо на место фразы выступило дело, ибо республика обнажила голову чудовища, сбив с нее защищавшую и прикрывавшую его корону.

Порядок! - лозунг Гизо. Порядок! - кричал сторонник Гизо Себастиани, когда Варшава сделалась русской. Порядок! - кричит Кавеньяк, грубое эхо французского учредительного собрания и республиканской буржуазии. Порядок! - грохотала его картечь, разрывая тело пролетариата.

Ни одна из многочисленнейших революций французской буржуазии, начиная с 1789 года, не была покушением на порядок, ибо все они оставляли неприкосновенным господство класса, все они сохранили рабство рабочих, все они оставляли неприкосновенным буржуазный строй, как бы ни изменялись политические формы этого господства и этого рабства. Июнь посягнул на этот порядок. Горе июню! Проповедывать в дни временного правительства великодушным рабочим, - которые, как было отпечатано в тысяче официальных плакатов, "отдавали три месяца нищеты в распоряжение республики," - что февральская революция совершена в их собственных интересах, и что в февральской революции дело шло прежде всего об интересах рабочих, - этого требовало приличие и более того: необходимость; это вызывалось политическим расчетом и экзальтацией вместе. Со времени открытия учредительного собрания люди сделались прозаичными. Дело сводилось уже лишь к тому, чтобы возратить труд, как сказал министр Трела, к его прежним условиям. Следовательно, рабочие дрались в феврале для того, чтобы их бросили в промышленный кризис.

Задача учредительного собрания заключалась в том, чтобы показать, будто февраля не было, по крайней мере, для рабочих и чтобы отбросить их к старым отношениям. Но даже это не удалось, потому что не во власти какого-либо собрания, как и всякого короля, воскликнуть промышленному кризису всеобъемлющего характера: до сих пор, но не дальше! Учредительное собрание, охваченное диким рвением покончить с февральской фразеологией, не приняло даже тех мер, которые возможны на почве старых отношений. Оно насильно забирает в армию парижских рабочих от 17 до 25 лет или выбрасывает их на мостовую: пришлых оно высылает из Парижа в Солонь, не заплатив им даже денег, полагающихся при проходном свидетельстве; взрослым парижанам оно

временно обеспечивает милостыню в организованных по-военному мастерских, но с условием не принимать участия ни в каких народных собраниях, - это значит: с условием, чтобы они перестали быть республиканцами. Недостаточно было сентиментальной после февральской риторики и сурового законодательства после 15-го мая. Необходимо было фактическое, практическое решение. Для кого вы, каналы, совершили февральскую революцию - для себя или для нас? Буржуазия поставила вопрос таким образом, что ответ на него должен был последовать в июне - картечью и баррикадами.

И, тем не менее, как сказал 25-го июня один народный представитель, оцепенение поражает все учредительное собрание.

Оно ошеломлено, когда вопрос и ответ залили кровью парижские мостовые; одни из членов потому, что их иллюзии расплылись в пороховом дыму, другие потому, что они не понимают, каким образом народ осмелился самостоятельно отстаивать свои собственные, кровные интересы. Русские деньги, английские деньги, бонапартовский орел, лилии - всевозможные амулеты должны были сделать доступным их рассудку это необычайное событие. Но обе части собрания чувствуют, что неизмеримая бездна отделяет их от народа. Ни одна не решается подняться за народ.

Но как только прошло оцепенение, прорывается бешенство, я большинство право, покрывая шиканьем тех жалких утопистов и лицемеров, которые впадают в анахронизм, попрежнему повторяя фразу о братстве. Ведь, задача сводится как-раз к искоренению этой фразы и тех иллюзий, которые скрывает ее многозначное лоно. Когда Ларошжаклэн, легитимист, рыцарь и энтузиаст, вскипел против бесстыдства, с которым кричали: Vae victis! Горе побежденным! - большинство собрания было охвачено Виттовой пляской, как-будто его ужалил тарантул. Оно кричит рабочим: горе! - чтобы скрыть, что "побежденным-то" является лишь оно само. Либо оно» либо республика должна теперь погибнуть. И поэтому оно судорожно воеет: "Да здравствует республика!"

Может ли эта глубокая пропасть, открывшаяся перед нами, сбить с толку демократов, заставить нас вообразить, что борьба за государственную форму бессодержательна, иллюзорна, ничтожна.

Только слабые, робкие умы способны поставить этот вопрос. Коллизии, которые вырастают из условий самого буржуазного общества, должны быть исчерпаны борьбой, их нельзя устранить фантазией. Лучшая форма государства - та, в которой общественные противоречия не затемнены, не скованы насильно, т.-е. искусственно, а следовательно, только призрачно. Лучшая государственная форма - та, в которой эти противоречия вступают в открытую борьбу и, тем самым, приходят к разрешению.

Нас спросят, неужели у нас не найдется ни одной слезы, ни одного вздоха, ни одного слова для жертв, павших от ярости народа - для национальной гвардии, мобильной гвардии, республиканской гвардии, линейных войск?

Государство позаботится об их вдовах и сиротах, декреты воздадут им хвалу, торжественные процессии предадут их прах земле, официальная пресса объявит их бессмертными, вся европейская реакция будет чтить их с востока до запада.

Но плебейм, которые измождены голодом, оклеветаны прессой, брошены врачами, которых "честные" обругали ворами, поджигателями, каторжниками; их женам и детям, низринутым в еще более безграничную нищету; их лучшим, оставшимся в живых и сосланным за океан, - им увенчать лаврами мрачный, грозный лоб это привилегия, это право демократической прессы.

Михаил БАКУНИН - Георгу Гервегу

Лето 1848 года

Германия представляет теперь интереснейшее и необычайнейшее зрелище, - не призрачную борьбу, но борьбу призраков, которые считают себя действительностью, но в каждый момент чувствуют и невольно выказывают свою неизмеримую слабость. Официальная реакция и официальная революция соперничают в ничтожестве и глупости, и при этом все пустые философски-религиозно-политически-поэтически-заманчиво-важные фразы, от которых давно рухнули немецкие головы, выползли теперь на свет.

Карл Маркс

ВОЗВРАНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО КОНГРЕССА *****

Предварительное замечание

Поражение парижского пролетариата в июньской борьбе воодушевило контр-революцию в Германии. После маленького интермеццо - франкфуртского восстания - она попыталась нанести решительный удар революционной Вене.

Борьба за Вену рисует, конечно, яснее всего классовые расслоения в 1848 году. Сражался и истекал кровью, главным образом, пролетариат. Буржуазия же напала на сражающихся с тыла. Франкфуртское национальное собрание отказалось чем-либо помочь восставшим.

"Демократический конгресс", заседавший в октябре, выпустил длинное воззвание, которое призывало к оказанию помощи Вене. Но и демократический конгресс ограничился лишь благонамеренными фразами. Этот демократический конгресс представлял собой довольно пеструю картину. По сравнению с представителями северо-немецкой буржуазии, истинных представителей пролетариата было очень мало. В демократическом центральном комитете заседал между прочими и Герман Криге, которого Маркс высмеял еще в 1846 году за его "слюнявые" фразы о любви к человечеству. В остальном конгресс был

подобен этому.

"Новая Рейнская Газета", под редакцией Маркса и Энгельса, защищала интересы революции и в дни венского восстания, как и во время июньской борьбы. Она видела, что поставлено на карту, и события показали ее правоту. Падение Вены было сигналом для контр-революции в Пруссии. 1-го ноября было назначено имперское министерство Бранденбурга.

Именно поэтому "Новая Рейнская Газета" и должна была выступить против беспомощных фраз демократического конгресса. Как всегда, Маркс придавал значение не прекрасным словам, а конкретной борьбе. Нужно было сказать, что Вене можно помочь лишь борьбой с контр-революцией у себя. Немецкие правительства были все заодно. Лишь в борьбе с ними могла быть завоевана свобода Германии. Мелкобуржуазные демократы вели себя так же, как и их социал-демократические потомки в настоящее время. Они истощали свою силу в беспомощных воззваниях к правительствам и практически давали полную свободу контр-революции.

Никто в 1848 году в Германии не выдвинул так резко точку зрения интернациональной революции, как "Новая Рейнская Газета". Ее цель была сделать революцию действительно общеевропейской, путем борьбы не на жизнь, а на смерть. Но тем более она обязана была выступить против мелкой буржуазии с ее неопределенной болтовней о братстве. Она указала на то, что почвой для борьбы должна явиться не космополитическая, призрачная страна благородных сердец вообще, но сама Германия.

Кельн, 3 ноября

Это воззвание заменяет отсутствие революционной энергии проповедническими завываниями, за которыми скрывается полное убожество мысли и чувства:

Несколько примеров!

Воззвание ожидало от венской и берлинской мартовской революции "осуществления единства и свободы" немецкого народа "при помощи одного удара". Другими словами: воззвание мечтало об "одном ударе", который сделал бы излишним для немецкого народа "развитие" до "единства и свободы".

Но сейчас же после этого фантастический "удар", заменяющий развитие, превращается, по возванию, в самое "развитие", против которого выступила реакция. Фраза, сама себя уничтожающая фраза!

Коснемся монотонного повторения главной темы. Вена в опасности, а с нею - и свобода Германии! Помогите Вене, и вы поможете этим себе! - Эта мысль не облечена в плоть и кровь. Одна фраза так часто повторяется, что становится риторической. Заметим, что деланный, неискренний пафос все время впадает в эту плохую риторику.

"От нас зависит, немецкие сограждане, не допустить гибели свободы Вены, не подарить ее военному счастью варварских орд".

***** Из «Новой рейнской газеты», № 133.

Но как приступить к этому?

Сначала адресоваться к чувству долга "немецкого правительства".
C'est incroyable****!

"Святая обязанность немецкого правительства поспешить на помощь угнетенному братскому городу, используя все свое влияние".

Кого же пошлет немецкое правительство против Ауэрсперга, Елачича и Виндшигнца? Не Врангеля ли, Коломба или принца Прусского?***** Имел ли право "демократический" конгресс занимать, хотя бы на одно мгновение, такую наивную и консервативную позицию по отношению к немецким правительствам? Имел ли он право, хотя бы на мгновение, отделить дело и "святые интересы" немецкого правительства от дела и интересов "кroatского порядка и свободы"? Сами правительства весело расхохочутся над этой девичьей восторженностью. А народ?

Народ увещевают "принести жертвы для спасения Вены". Прекрасно! Но "народ" ждет от демократического конгресса определенных требований. Кто требует всего, тот ничего не требует и ничего не получает. И вот, определенное требование, - так-сказать, главная соль, - заключается в следующем.

"С непреклонной и непреодолимой настойчивостью требуйте у ваших правительств, чтобы они подчинились вашему большинству я спасли дело немцев, дело свободы в Вене. Спешите! Вы - мощь, ваша воля - закон! Вперед!"

Предположим, что огромным народным демонстрациям удалось бы побудить правительства к официозным мерам для спасения Вены, - мы были бы тогда осчастливлены вторым изданием "штейновского приказа по армии"*****. Представить себе теперешние немецкие правительства в роли "спасителей свободы", как-будто бы они не проявили своего истинного призвания в имперских экзекуциях и своих "священных обязанностей" в роли архангелов "умеренно-конституционной свободы"! "Демократический конгресс" должен был или молчать о немецких правительствах, или беспощадно разоблачить их заговоры с Ольмюцем и Петербургом.

**** Невероятно.

***** Ауэрсперг - австрийский генерал, Елачич - бан Кроации, вождь контр-революции в борьбе с Веной и Венгрией. Виндшигнец - австрийский главнокомандующий при усмирении Праги, Вены и Венгрии. "Кровавая собака", как назвала его "Новая Рейнская Газета", - он расстрелял и повесил Роберта Блюма и многих других. Врангель был во время общеимперского министерства Бранденбурга областным главнокомандующим и, как таковой, объявил осадное положение. Коломб - командующий прусский генерал в Познани, подавивший польское восстание. Принц Прусский - "карточный принц".

***** Приказ по армии Штейна - предложение депутата Штейна в берлинском национальном собрании, который обращался против реакционных происков в прусской армии. В первый раз принято 9-го августа после расстрелов в Швейднице. Министерство Ганземана оставило его на бумаге. Во второй раз предложение было принято в сентябре, после франкфуртского восстания и перемирия в Мальме, когда германское национальное собрание увидело меч контр-революции уже над своей головой. На этот раз прусское правительство

Хотя воззвание и рекомендует "поспешность" (да и действительно времени терять нельзя), но гуманистическая фразеология вводит его за пределы Германии, за все географические границы, в космополитическую призрачную страну "благородных сердец" вообще!

"Спешите! Вставайте! Мужья свободы, вставайте! Во всех немецких землях и повсюду, где только мысль о свободе и гуманности прожигает благородные сердца!"

Мы не сомневаемся, что и в самой Германии имеются такие "сердца".

В Германии и повсюду, тратя порох на такие расплывчатые фразы, "воззвание" обрело свое истинное выражение.

Непростительно, что "демократический конгресс" выступил с такого рода актом. Ни "современники не будут ему дивиться", ни "потомство не наградит его бессмертной славой".

Надеемся, несмотря на "воззвание демократического конгресса", что народ пробудится из своей летаргии и окажет единственную помощь венцам, какую он им может оказать в данный момент, - победив контр-революцию у себя дома.

Фердинанд Фрейлиграт

ВЕНА

Могли б склонять колени, - несли б земной поклон;
Могли б еще молиться, - за Вену был бы стон!
Но все мы разучились твердить молитв обряд, -
Для нас лишь те достойны, кто, не склонясь, стоят!
Те руки нам милее, что меч и штык несут!
И те уста священной, что гимны битв поют!
К чему скулить покорно? Мужчины в горны битв!
В кулак сжимайте руки не для пустых молитв!
Молитвенные позы утратили свой вес, -
Сжимайте левой ножны, а правую эфес.
Хватайте левой крепко рабов и подлецов,
Клинок взметаите правой - и каждый будь готов!
Восстанье великанов, могучая борьба
За Вену только это - достойная борьба!
Германия, восстань же! Но не туда твой взгляд,
Где в красном доломане летит стремглав кроат,
Где берега Дуная трясутся от копыт,
Где на собор Стефана атаки дым летит,
Где из мортир славянских брандкугелей пожар, -
Нет, не туда, германец, ты направляй удар!
Нет, не туда на помощь, на выручку иди, -

ответило объявлением контр-революции, назначением правления генерала Пфуля. История штейновского предложения - это история колебаний и нерешительности берлинского национального собрания.

Спасая Вену, дома на площадь выходи!
Очисти от хлама дом свой! И защищай его!
Чтоб Елачича сбросить, сбрось прежде своего!
На севере ударишь, до юга донесет;
Пусть наш склонится Ольмюц, и Ольмюц вслед падет.
Уж осень наступила, за ней идет зима!
Германия, восстань же! Возьмись за ум сама!
Грохочут паровозы, стрекочет телеграф,
А ты покорно дремлешь и не бежишь стремглав!
Дерется Вена на смерть, - ты, как скала, стоишь,
Лишь жалостное "браво!" трусливо ей кричишь!

ПРОКЛАМАЦИЯ ЛЕВОЙ ГРУППЫ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

Пруссаки! Учредительное собрание апеллировало к прусскому народу против насильственных мер министерства Бранденбурга, и миллионы ответили нам. Наши резолюции по поводу чести и свободы отечества были приняты с единогласным ликованием. Да и сама королевская власть побудила народ поднять свой голос. Это свершилось, но короля ограждают от народа. "Нельзя допустить, - с откровенным бесстыдством сказал министерство Бранденбурга, - чтоб сердце короля смягчилось". Ваши петиции не передаются, ваши депутации не допускаются. Король более не свободен, он охраняется преступной шайкой, которая намеренно скрывает от него восстание всей страны, собираясь принести трон и родину в жертву своим изменническим планам. Зал заседания, бюро учредительного собрания превратились в караульное помещение; наш архив, важнейшие документы, между ними более 12.000 петиций из всех частей страны, разрываются и разбрасываются солдатами, этими ослепленными сынами родины. Что значит для этих людей желания, права и свобода 16 миллионов пруссаков! Подобно тому, как попирают ногами ваши петиции, так же проникают со штыками на совещания ваших представителей, где заседает неприкосновенная личность депутата; безбоязненно нарушают изданные самим королем законы о личной свободе, неприкосновенности жилищ и объявляют осадное положение и военно-полевой суд. Вероломство, такое ужасное и откровенное, какого никогда не было в немецкой истории. Ложь, извращения всякого рода наполняют официальные донесения, газеты принуждены открыть им свои столбцы, в то время как голос истины задушен в печати силой. Но ничто не помогло им. Учредительное собрание остается непоколебимым, и места депутатов, покинувших трусливо и вопреки обязанности свои посты, заполняются день ото дня, и заместители сами спешат сюда, чтобы разделить честь и опасности этих дней. Если нависшая над нами грубая сила и отнимает у нас драгоценное время в нашей неотложной работе, которое могло быть использовано на благо народа, то ничто не могло удержать нас от всевозможных средств борьбы с этой грубой силой. Министерству предъявлено обвинение в государственной измене, и ему

запрещено единогласным решением распоряжаться государственной казной и взимать налоги. Таким образом, мы исчерпали последние парламентские средства. От народа зависит проведение в жизнь наших решений.

Берлин, 18 ноября 1848 года

Фердинанд Лассаль

ПАССИВНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ *****

Высказывалось мнение, что вооруженное сопротивление было тогда нелегальным потому, что оно пошло дальше, чем само учредительное собрание, ибо оно призывало лишь к пассивному сопротивлению.

Предположим, что учредительное собрание действительно призывало лишь к пассивному сопротивлению, - что отсюда следует? Или вооруженное восстание было тогда правом страны, ибо королевская власть нарушила договор, нарушила закон, и тогда совсем не нужно, чтобы учредительное собрание специально предписывало то, что и без того было законной обязанностью; или королевская власть была права, и тогда вооруженное восстание против нее было преступлением. В таком случае учредительное собрание, декретировав его, не могло превращать преступление в право; оно могло лишь стать его соучастником.

Пассивное сопротивление, господа, - в этом мы должны согласиться с нашими врагами, - пассивное сопротивление учредительного собрания было во всяком случае преступлением. Одно из двух! Или королевская власть была права в своих мероприятиях, и тогда учредительное собрание, противясь законному праву королевской власти и сея раздор в стране, превращалось, без сомнения, в шайку подстрекателей и бунтовщиков; или же мероприятия королевской власти были незаконным насилием, - тогда свободу народа нужно было защищать активно, не на живот, а на смерть, тогда учредительное собрание" обязано было открыто призвать страну к оружию. Тогда, следовательно, этот необыкновенный замысел пассивного сопротивления представлял из себя трусливую измену народу, измену обязанности собрания защищать права народа.

Если также и я (на что сегодня неоднократно обращалось ваше внимание) во всех своих речах призывал взяться за оружие лишь по призыву учредительного собрания, а потому подождать этого призыва, то это вытекало тогда не из юридического соображения, что, будто бы, только учредительное собрание может дать нам это право. Это право было на нашей стороне и с учредительным собранием, и без него. Нет, это вытекало из тактического соображения. Ибо борьба могла дать результаты лишь в том случае, если б вся страна поднялась повсеместно; этого единодушия, этой одновременности и нужно было ждать, если бы призыв учредительного собрания разнесся по всей стране. Дюссельдорф не мог начать боя; это было бы безумием; этот город не решил бы дела

***** Из речи на суде.

Он мог лишь вступить в ряды борцов, если бы учредительное собрание начало борьбу. Это, господа, а вовсе не юридические отговорки, было единственным основанием, почему я всегда ссылался на необходимость призыва со стороны учредительного собрания.

Пассивное сопротивление учредительного собрания, я повторяю, было изменой, и оно было вместе с тем одним из самых странных изобретений, которые когда-либо видел свет: оно принесет своим изобретателям вечное наследство, в виде неугасимого смеха, который история прикрепит к их именам.

Ибо каким язвительным смехом заклеили бы тот великий народ и даже вычеркнули бы его из ряда народов, если б он, при нападении чужеземного завоевателя, не сделал попытки защитить свою свободу с оружием в руках и удовольствовался бы демонстрацией голой юридической фразы, торжественного протеста, пассивного сопротивления.

Но трижды ненавистней, чем внешний враг, является враг внутренний, который растоптал свободу страны; трижды достоин проклятья, по сравнению с чужеземным, свой князь, который восстал против законов своей страны. Трижды позорней для народа стать добычей одного единственного человека, чем склониться перед чужой, великой нацией!

Господа, один человек при насилии со стороны государства, со стороны целой массы может с честью оказать пассивное сопротивление; я могу вернуться в свое право и протестовать, ибо у меня нет силы использовать его. Но подобно тому, как понятие бога не может быть мыслимо без предиката всемогущества, так и в понятии великого народа заложено представление, что его сила должна быть соразмерна его праву, что он должен иметь силу действительно защищать то, что он признал своим правом.

Один человек, выброшенныйдесятью за двери, может протестовать и слабостью своей оправдать отсутствие сопротивления. Но, прошу вас, представьте себе жалкое зрелище великого народа, который оправдывает своей слабостью, что он не пытается защитить свое право!

Народ может покориться силе, как покорилась Польша, но она не склонилась прежде, чем поле битвы не обагрилось кровью ее благородных сынов, пока не была скошена ее последняя сила; она сопротивлялась до полного истощения сил, до последнего смертного вздоха; она не сдалась, она умерла! Когда сломлены все силы, тогда этот труп народа может удовольствоваться пассивным сопротивлением, т.-е. юридическим протестом, ожидая со скрещенными руками, терпеливо и стойко, с гневом в груди, с глубоко затаенной ненавистью спасительного момента, несущего избавление.

Такое пассивное сопротивление, после того, как все средства активного сопротивления сломлены, есть высочайшая степень непоколебимого героизма. Но пассивное сопротивление с самого начала, даже не попытавшись начать бой, не апеллируя ни разу к своей свежей силе, - это позорнейшее, величайшее безрассудство и величайшая

трусость, которую когда-либо предлагали народу!

Пассивное сопротивление, господа, заключает в себе внутреннее противоречие: это - покорное сопротивление, сопротивление, которое не есть сопротивление. Пассивное сопротивление - это нечто в роде лихтенбергского ножа без рукоятки, у которого нет клинка; это - шкура медведя, которую надо вымыть, не замочив.

Пассивное сопротивление - это лишь внутренняя злая воля без внешнего акта. Королевская власть конфисковала народную свободу, а учредительное собрание в защиту народа декретировало злую волю.

Было бы непостижимо, каким образом элементарнейшая логика не удержала законодательного собрания от меры, сделавшей его посмешищем в глазах всего света, и было бы непостижимо, почему оно лучше открыто не подчинилось приказу королевской власти, - все это было бы непостижимо, если б оно не было слишком понятно!

Пассивное сопротивление является продуктом ряда факторов. Ясно осознанная обязанность сопротивления и личное малодушие, нежелание сопротивляться, рискуя своей шкурой, - обе эти силы в своем возбуждающем отвращении объятии породили в ночь на 10-е ноября чахоточное дитя, чахлый плод пассивного сопротивления.

Но именно это логическое противоречие в понятии пассивного сопротивления имело следствием и должно было иметь следствием, что учредительное собрание вовсе не придерживалось линии пассивного сопротивления, что оно, наоборот, провоцировало активное сопротивление.

Резолюции законодательного органа не являются суждениями философской или юридической коллегии, которые имеют лишь теоретическое значение и должны дать заключение или установить философскую аксиому. Они суть декреты, которые должны иметь практическое применение, которые имеют притязание не только на теоретическую истинность, но и на действительное проведение.

Таким образом, если учредительное собрание решает, что роспуск национальной гвардии, разоружение национальной гвардии является незаконным, то не значит ли это другими словами: вы не можете и не должны позволить разоружить себя, вы можете и должны сохранить свое оружие и защищать его, когда его у вас отбирают?

Если учредительное собрание постановляет, что министерство не уполномочено взимать налоги, то не значит ли это: вы не можете, не должны, вы не смеете платить налоги; тот, кто платит, является плохим гражданином, изменником страны, соучастником министров, - следовательно, вы должны силой сопротивляться принудительному взиманию налогов?

Резолюция об отказе платить налоги нисколько ни отличается от *au fond* от прямого призыва к оружию. Считаете ли вы возможным, чтобы учредительное собрание не поняло этого? Учредительное собрание прекрасно знало, что налоги, если они не поступают, будут взыскиваться принудительно в силу денежной нужды. Но учредительное собрание должно было в то же время желать и настаивать, чтобы его решение

было выполнено, чтобы оно осталось победителем. В шутку и чтобы дать государственной власти возможность для криминальных преследований, оно не обнародовало такого решения. Следовательно, учредительное собрание желало, настаивало и декретировало в случае неизбежного принудительного взыскания налогов вооруженное сопротивление, революцию. Это, думается мне, вполне ясно.

Резолюция об отказе платить налоги в устах учредительного собрания является, таким образом, совершенно эквивалентной положительному призыву к оружию.

Но почему же в таком случае учредительное собрание не приняло лучше этого последнего быстрого средства, которое не позволило бы заснуть воодушевлению? Почему оно открыто не декретировало массового восстания?

Ответ заключается в предыдущем

Учредительное собрание легализовало революцию и хотело ее. Если б революция разразилась, оно приписало бы себе эту честь. Но, легализуя и вызывая борьбу, оно хотело в то же время прикрыть себя в случае возможной неудачи. Оно хотело занять такую позицию, чтобы его не смогли юридически обвинить в соучастии в этой борьбе.

Оно знало, что Берлин подавлен войсками, что в случае прямого призыва к оружию, даже если бы вслед за ним революции и посчастливилось в провинции, их бы все равно взяли за горло; убийство Блюма показало им, на какую энергию способны князья. Вот в чем секрет пассивного сопротивления.

Величайший негодяй Германии

Кто самый подлый, грязный пес
Средь немцев голову вознес?
То Метерних? Иль Виндишгрец?
Радецкий, Елачич подлец?
Они - разбойники, но все ж
Другой есть пес среди гнусных рож.
Кто ж этот пес, других грязней?
Быть-может, он среди князей?
Да, псы - они, то знает всяк,
Будь немец он, иль австрияк.
Но все ж средь прусских подлецов
Еще один есть пес из псов.
Так кто же этот грязный пес
От Рейна и до Вислы взрос?
То Врангель или Гинкельдей?
Иль полицейский то злодей?
Кто скажет: нет подлея их! - тот
Ошибся, - есть подлее скот!
Так назови ж мне, наконец,
Кто величайший тот подлец?
Вот камарилья есть одна,

В Потсдаме действует она,
И в ней министр прячет хвост:
Он величайший есть прохвост.
Он правит камарильей той
И вертит все своей рукой!
Чертовски паутину свил,
Страну родную задавил.
Мантейфель! - стонет весь народ:
Вот величайший прусский скот!
О, немцы! милый мой народ!
Довольно вы глядели в рот,
Пора за дело взяться вам:
Развешать псов по фонарям.
И право уж пора для нас,
Чтоб правосудья пробил час.

Михаил БАКУНИН - Георгу Гервегу

Декабрь 1848 г.

"...J'attendrai, Monseigneur!"***** - вот мой ответ на торжествующую реакцию, - ведь, анархия, развал государств явится скоро. Как часто я думал о тебе и отдавал тебе должное, когда я увидел поближе отношения и события в Германии. Я вспоминаю слова, которые ты так часто повторял мне в Парижа перед революцией: "Первая революция в Германии не принесет нам ничего утешительного, так как она окажется победой буржуазной подлости". Как велика подлость немецкого филистера, - это я лишь теперь увидел в полной мере. Нигде буржуа не является приятным человеком, но подлость немецкого буржуа соединяется с добродушием.

Карл Маркс

НОВЫЙ 1849 ГОД*****

Кельн, 31 декабря

Ни одно революционное движение не открывалось более торжественной увертюрой, чем революционное движение 1848 г. Папа благословил его в церкви. Эолова арфа Ламартина дрожала под нежные филантропические песни, на тексты о "fraternite" - братстве всех членов общества и наций. "Обнимитесь, миллионы, - это поцелуй всего мира!" В этот момент папа сидит в Газете, изгнанный из Рима, под защитой зверского идиота Фердинанда, интригуя против Италии с ее заклятым врагом - Австрией, которой он угрожал отлучением в счастливый период ее существования. Последнее избрание французского президента

***** Я буду ждать, господин.

***** Из "Новой Рейнской Газеты".

статистически доказало непопулярность Ламартина-изменника. Что было более человечным, гуманным, слабым, чем февральская и мартовская революции? Что было более зверского, чем неизбежные следствия этой гуманной слабости? Примеры: Италия, Польша, Германия и, главным образом, побежденные в июне.

Впрочем, июньское поражение французских рабочих явилось поражением самих победителей июня. Ледрю-Роллен и другие члены "горы" были вытеснены партией буржуазных республиканцев, партией газеты "National"; партия "National" - династической оппозицией; Тьер-Барро и эта последняя должны были бы уступить легитимистам, если бы круговорот трех реставраций не был уже исчерпан и если бы Луи Наполеон был больше, чем пустой урной, куда французские крестьяне складывали свои голоса, заявляющие об их вмешательстве в революционно-социальное движение, а французские рабочие - свои проклятья всем вождям пережитых эпох - Тьеру-Барро, Ламартину и Кавеньяку-Марра. Но констатируем факт, что поражение революционного французского рабочего класса влекло за собой, как неизбежное следствие, поражение республиканской французской буржуазии, только что испытанное ею.

Поражение рабочего класса во Франции, победа французской буржуазии, - это означало в то же время порабощение тех национальностей, которые на крик галльского петуха ответили героическими попытками освобождения. Польша, Италия и Ирландия были еще раз обложены контрибуцией и предательски задушены прусскими, австрийскими и английскими сбиррами. Поражение рабочего класса во Франции, победа французской буржуазии стали одновременно поражением средних классов в тех европейских странах, где они, соединившись на-время с народом, ответили на крик галльского петуха кровавым восстанием против феодализма. Неаполь, Вена, Берлин! Поражение рабочего класса во Франции, победа французской буржуазии означали в то же время победу Востока над Западом, варварства над цивилизацией. В Валахии началось угнетение румын русскими и их орудием - турками; в Вене кроаты, пандуры, чехи, казаки и тому подобный сброд задушили германскую свободу, и в этот момент царь вездесущ в Европе. Итак, вот каков должен быть лозунг европейского освобождения! Свержение буржуазии во Франции, торжество французского рабочего класса, освобождение рабочего класса вообще!

Но страна, которая превращает в своих пролетариев все народы, которая охватывает своими гигантскими руками весь-мир, которая оплатила уже однажды своими деньгами издержки по европейской реставрации, страна, в собственных пределах которой классовый антагонизм принял наиболее выраженную, наиболее циничную форму, - Англия кажется утесом, о который разбиваются волны революции; она морит голодом новое общество еще во чреве матери. Англия господствует на мировом рынке. Переворот в экономических отношениях любой страны европейского континента и даже на всем европейском континенте, но без Англии - не более как буря в стакане воды, Состояние

промышленности и торговли внутри каждой страны зависит от связи с другими странами, обусловлено отношением к мировому рынку. Англия господствует на мировом рынке, а буржуазия господствует в Англии.

Освобождение Европы, - будет ли то восстание порабощенных национальностей за свою независимость, или низвержение феодального абсолютизма, - зависит, таким образом, победоносного восстания французского рабочего класса. Но всякий переворот в смысле французского социализма неминуемо разбивается об английскую буржуазию, о торговое и промышленное мировое господство Великобритании. Каждая частичная социальная реформа во Франции и на европейском континенте вообще есть и останется, поскольку ей намереваются придать решительный характер, пустым благочестивым пожеланием. А старая Англия будет низвергнута лишь мировой войной, которая одна лишь может создать для чартистской партии, организованной английской рабочей партии, условия, обеспечивающие успешное восстание против ее гигантов-угнетателей. Чартисты во главе английского правительства - лишь с этого момента социальная революция выйдет из области утопии в область действительности. Но каждая европейская война, в которую будет втянута Англия, станет мировой войной. Она будет в Канаде, как и в Италии, в Ост-Индии, как и Пруссии, в Африке, как и на Дунае. И европейская война - это первое Следствие победоносной рабочей революции во Франции. Англия, как и во времена Наполеона, станет во главе контр-революционных армий, в результате войны будет поставлена во главе революционного движения и искупит свою вину против революции XVIII века.

Революционное восстание французского рабочего класса, всемирная война - таковы перспективы 1849 года.

Фридрих Энгельс

МАРКС И "НОВАЯ РЕЙНСКАЯ ГАЗЕТА" *****

К моменту взрыва февральской революции "коммунистическая партия", как мы ее называем, имела очень маленький кадр - "Союз Коммунистов, организованный в виде тайного пропагандистского общества. Союз был тайным лишь потому, что в те времена в Германии не было права свободных союзов и собраний. Кроме рабочих объединений за рубежом, где пополнялся Союз, у него имелось около 30 союзов или секций в самой стране, а также отдельные члены во многих местах. Но эта незначительная боевая сила имела первоклассного вождя, в лице Маркса, которому все подчинялись добровольно; а, благодаря Марксу, имелась принципиальная и тактическая программа, значение которой и поныне огромно, - "Коммунистический Манифест".

***** Из газеты "Социал-Демократ", Цюрих, 13-го марта 1884 г., № 4.

Здесь нужно принять во внимание, в первую очередь, тактическую часть программы. Она гласит в общем: "Коммунисты не составляют какой-либо особой партии, противостоящей другим рабочим партиям. У них нет таких интересов, которые не совпадали бы с интересами всего пролетариата. Они не выставляют никаких особых принципов, сообразно которым они хотели бы формировать движение пролетариев. Коммунисты отличаются от других рабочих партий только тем, что, с одной стороны, в движении пролетариев разных наций они выделяют и отстаивают общие, независимые от национальности интересы всего пролетариата; с другой стороны, тем, что на различных стадиях развития, через которые проходит борьба пролетариев против буржуазии, они всегда защищают общие интересы движения в его целом. Таким образом, коммунисты на практике представляют собою самую решительную, всегда толкающую вперед часть рабочих партий всех стран. В теоретическом отношении они имеют перед остальной массой пролетариата то преимущество, что понимают условия, ход и общие результаты рабочего движения".

И специально для немецкой партии:

В Германии коммунистическая партия борется совместно с буржуазией, - как только она выступает революционно, - против феодального землевладения и мелкой буржуазии. Но она не перестает ни на минуту вырабатывать в умах рабочих возможно более ясное сознание враждебной противоположности интересов буржуазии и пролетариата, чтобы немецкие рабочие могли сейчас же использовать общественные и политические условия, которые должно принести с собой господство буржуазии, как оружие против нее же самой, чтобы сейчас же после крушения реакционных классов в Германии началась борьба против самой буржуазии. На Германию коммунисты обращают свое главное внимание потому, что она находится накануне буржуазной революции"... и т.д. ("Манифест", IV).

Ни одна тактическая программа никогда не оправдала себя, как эта; составленная накануне революции, она выдержала испытание этой революции. Там, где с этого времени какая-либо рабочая партия отклонялась от нее, каждое такое отклонение наказывало само себя. И теперь, спустя почти 40 лет, она служит путеводной нитью всех решительных и самосознательных рабочих партий Европы, от Мадрида до Петербурга.

Февральские события ускорили предстоящую немецкую ре-эволюцию и тем самым видоизменили ее характер. Немецкая буржуазия, вместо того, чтобы победить своими силами, победила на буксире у французской рабочей революции. Еще прежде, чем она окончательно сбросила своего старого противника, абсолютную монархию, феодальную земельную собственность, бюрократию, малодушное филистерство, - ей пришлось уже обороняться против нового врага, пролетариата. Но здесь сейчас же сказались результаты чрезвычайно отсталого, по сравнению с Францией и Англией, классового развития Германии.

У немецкой буржуазии, которая только-что начала создавать крупную промышленность, не было ни силы, ни мужества, ни

настоятельных понуждений, чтобы завоевать себе неограниченное господство в государстве. Пролетариат, неразвитой в равной степени, выросший в полнейшем духовном порабощении, неорганизованный и даже неспособный еще к самостоятельной организации, лишь смутно ощущал глубокое противоречие своих и буржуазных интересов. Таким образом, хотя он и был по сути дела упрямым противником буржуазии, он оставался, с другой стороны, ее политическим привеском. Испуганная не только тем, чем был немецкий пролетариат, но и тем, чем он грозил стать, и чем уже стал французский пролетариат, буржуазия видела свое спасение в любом, даже самом трусливом компромиссе с монархией и дворянством. Пролетариат, не знавший еще собственной исторической роли, должен был вначале примкнуть в своей массе к передовому, наиболее левому крылу буржуазии. Немецким рабочим нужно было завоевать прежде всего те права, которые были неизбежно необходимы им для их самостоятельной организации, как классовой партии: свободу печати, свободу собраний и союзов, - права, которых буржуазия должна была добиваться в интересах своего собственного господства и которые она сама теперь оспаривала из страха перед рабочими. Несколько сот отдельных членов "Союза" тонули в необъятной, внезапно пришедшей в движение массе. Таково первое выступление немецкого пролетариата на политической арене, как крайней демократической партии. Это положение вещей само указало нам, какое знамя мы могли поднять, когда основали в Германии большую газету. Оно могло быть только знаменем демократии, но демократии, которая повсюду во всех отдельных случаях выявляла специфически пролетарский характер, но еще не могла написать его на общем знамени раз навсегда. Если бы мы не захотели этого, не захотели поднять движение до его предугаданного, наиболее развитого, действительно пролетарского предела и двигать его дальше, то нам не оставалось ничего больше, как поучать коммунизму в маленькой местной газетке и, вместо огромной активной партии, образовывать секту. Но мы уже не годились для роли проповедников в пустыне; для этого мы слишком хорошо изучили утопистов. И не для этой цели составили мы свою программу.

Когда мы прибыли в Кельн, там уже были предприняты шаги со стороны демократов и отчасти коммунистов с целью издания большой газеты. Предполагалось сделать ее чисто-местной, кельнской, и нас хотели сплавить в Берлин. Но в 24 часа мы, главным образом, благодаря Марксу, завоевали территорию, газета стала нашей, с условием, что мы примем в редакцию Генриха Бюргера, который написал одну статью (в № 2) и этим ограничился.

Нам нужно было находиться именно в Кельне, а не в Берлине. Во-первых, Кельн был центром Рейнской области, которая проделала французскую революцию, сохранила новые правовые воззрения кодекса Наполеона, развила наиболее значительную крупную промышленность и была в то время во всех отношениях наиболее прогрессивной частью Германии. Мы слишком хорошо знали, по собственным наблюдениям, Берлин того времени, с его едва развивающейся буржуазией, с его еще

совершенно несознательными рабочими, с его обширной бюрократией, с его дворянской и придворной сволочью, со всем его характером "старинности". Но решающим было следующее обстоятельство: в Берлине еще господствовало злополучное прусское земское право, и политические процессы были подсудны коронным судьям; на Рейне действовал кодекс Наполеона, не предусматривающий процессов о печати, потому что он предполагает цензуру, и если совершалось неактивное политическое преступление, а лишь словесное покушение на закон, то дело подлежало суду присяжных. В Берлине после революции молодой Шлеффель был из-за пустяка приговорен к году тюремного заключения. На Рейне у нас была неограниченная свобода печати, и мы использовали ее до последней капли.

Таким образом, мы приступили к работе 1-го июня 1848 г. с очень ограниченным акционерным капиталом, из которого была внесена лишь небольшая часть, да и сами акционеры были более чем ненадежны. Сейчас же после первого номера половина их покинула нас, а в конце месяца у нас уже не было никого из них.

Организация редакции представляла из себя единоличную диктатуру Маркса. Большая ежедневная газета, которая должна быть готова к определенному часу, не может сохранить последовательного направления ни при какой другой организации. К тому же здесь диктатором был Маркс, разумеется, не оспариваемый, всеми нами охотно признанный. Его ясный взгляд и твердое направление и сделали, главным образом, эту газету самой выдающейся из всех немецких газет революционного года.

Политическая программа "Новой Рейнской Газеты" состояла из двух главных пунктов.

Единая, неделимая демократическая немецкая республика и война с Россией за восстановление Польши. Мелкобуржуазная демократия делилась "в то время на две фракции. Северно-немецкая облюбовала себе демократического прусского короля, а южно-немецкая, тогда почти исключительно баденская, хотела превратить Германию в федеративную республику по образцу швейцарской. С теми и другими нам приходилось бороться. Интересы пролетариата не позволяли ни опруссачения Германии, ни увековечения мелких государств; они требовали окончательного объединения Германии в одну нацию, ибо лишь она одна могла стать очищенной от всех уже пройденных мелких препятствий, - полем битвы, на котором пролетариат и буржуазия должны были померяться силами. Но интересы пролетариата не допускали также и восстановления прусского владычества; прусское государство со всем его устройством, с его традицией и династией, было как-раз единственным серьезным внутренним врагом, которого революция в Германии должна была свергнуть, кроме того, Пруссия могла объединить Германию лишь путем разрыва ее, путем отделения немецко-австрийских областей.

Уничтожение прусского, разрушение австрийского государства, действительное объединение Германии в виде республика - другой

революционной программы мы и не могли иметь на первых порах, а ее можно было провести посредством войны с Россией, и только посредством ее. К этому последнему пункту я еще возвращусь.

В общем тон газеты отнюдь не был торжественным, серьезным или воодушевленным. У нас были лишь жалкие противники, и ко всем без исключения мы относились с высочайшим презрением. Монархия, составляющая заговоры, камарилья, дворянство, "Крестовая Газета", вся реакция, по поводу которой филистер нравственно возмущался, - мы обращались с ней лишь с язвительной насмешкой; но таково же было наше отношение и к новым, распинавшимся за революцию кумирам - мартовским министрам, франкфуртскому и берлинскому собранию, к правым, как и к левым в них. Уже первый номер выступил со статьей, которая высмеивала ничтожество франкфуртского парламента, бесцельность его длинных речей, изобилие его трусливых резолюций. Это стоило нам половины акционеров. Франкфуртский парламент не был даже дискуссионным клубом, в нем почти ничего не обсуждали, но в большинстве случаев отбарабанивали готовые, принесенные с собой доклады и принимали резолюции, которые должны были воодушевить немецкого филистера, но на которые, обыкновенно, не обращал внимания ни один человек.

Берлинское собрание имело уже больше значения, оно противостояло действительной силе, оно дебатировало и принимало резолюции не впустую, не так, как во франкфуртском птичнике. Поэтому отношение к нему было более серьезное. Но и тамошние представители левой - Шульце-Делич, Беренс, Эльс-нер, Штейн и т.д. - подвергались столь же резкой критике, как и франкфуртские; их нерешительность, малодушие и инертность беспощадно вскрывались, мы доказывали, как они, благодаря своим соглашательским поступкам, шаг за шагом впадали в измену революции. Это возбудило, естественно, вражду демократической мелкой буржуазии, которая только-что сфабриковала этих кумиров для своего поклонения. Нам этот страх был признаком, что мы попали в самую точку.

Точно так же мы выступали против заблуждения, усердно распространяемого мелкой буржуазией, что революция, будто бы завершилась мартовскими днями, и теперь осталось лишь пожинать ее плоды. Для нас февраль и март могли иметь значение, действительной революции лишь в том случае, если они являлись не заключительной, но, наоборот, исходной точкой длительного революционного движения, в котором народ, как и в великом французском перевороте, развивался бы в борьбе все более, партии разделялись бы все резче и резче, вплоть до полного распада на три больших класса - буржуазию, мелкую буржуазию и пролетариат - и в котором пролетариат завоевал бы мало-помалу позиции в целом ряде битв. Поэтому, мы выступали против мелкой буржуазии повсюду, где она хотела затушевать свое классовое противоречие с пролетариатом; излюбленной фразой: мы, ведь, все хотим того же самого, все различия покоятся на чистых недоразумениях. Но чем меньше позволяли мы мелкой буржуазии уговорить нашу

пролетарскую демократию, тем покорней и уступчивей становилась она по отношению к нам. Чем резче и решительней выступаешь противнее, тем покорней сгибается она, тем больше уступок делает она рабочей партии. Это мы ясно видели.

Наконец, мы вскрывали парламентский кретинизм (по выражению Маркса) различных так-называемых национальных собраний. Господа, заседавшие там, выпустили из рук все средства власти, часть их добровольно передали обратно правительствам, и вот рядом с вновь усилившимися реакционными правительствами находились как в Берлине, так и во Франкфурте, бессильные собрания, которые, несмотря на это, воображали, что их беспомощные резолюции сдвинут мир с его оси. Этот идиотский самообман царил до крайнего предела. Мы кричали им: ваша парламентская победа не что иное, как ваше действительное поражение!

Так и случилось и в Берлине, и во Франкфурте: когда "левая" получила большинство, правительство разогнало все собрание. Оно смогло это сделать, потому что собрание само подорвало свой кредит у народа.

Впоследствии, когда я прочел книгу Бужара о Марате, я увидел, что мы во многих отношениях бессознательно подражали великому прообразу "Ami du Peuple" (настоящему, а не искаженному роялистами), и что вся ярость и историческая фальсификация, в силу которой почти целое столетие знали Марата в искаженном виде, вытекала лишь из следующей причины: Марат безжалостно снял покрывало с минутных кумиров - Лафайета, Балли и других и показал их, как уже определившихся изменников революции. Кроме того, он, как и мы, понимал революцию не как законченную, но как перманентную.

Мы объявили открыто, что направление, защищаемое нами, вступит в бой за достижение наших действительных партийных целей лишь в том случае, когда у кормила правления станет самая крайняя из всех существующих в Германии официальных партий, - тогда мы образовали бы против нее оппозицию.

Но события позаботились и о том, чтобы рядом с насмешкой над немецкими противниками у нас появилось и пламенное чувство. Восстание парижских рабочих в июне 1848 года застало нас на боевом посту. С первого выстрела мы неминуемо стали на сторону инсургентов. После их поражения Маркс прославил побежденных в одной из своих самых сильных статей.

Тогда нас покинули последние акционеры. Но оставалось удовлетворение, что мы - единственная газета в Германии и почти во всей Европе, которая высоко держит знамя угнетенного пролетариата в момент, когда буржуазия и филистеры всех стран обрушили на побежденных горы клеветы.

Иностранная политика была несложна: выступление за каждый революционный народ, призыв ко всеобщей войне революционной Европы с огромным резервом европейской реакции - с Россией. С 24-го февраля нам было ясно, что у революции имеется лишь один

действительно страшный враг - Россия, и что этот враг тем более принужден вступить в бой, чем больший масштаб получают европейские движения. События в Вене, Милане, Берлине должны были замедлить русское наступление. Но оно становилось тем неизбежней, чем более приближалась революция к России. Если бы удалось бросить Германию в войну с Россией, то с Габсбургами и Гогенцоллернами было бы покончено, и революция победила бы на всем фронте.

Эта политика проводилась в каждом номере газеты до момента действительного вторжения русских в Венгрию, что вполне подтвердило наши предвидения и предопределило поражение революции.

Весной 1849 года, когда приближался решительный бой, язык газеты становился с каждым номером сильней и страстней. Вильгельм Вольф напоминал силезским крестьянам в своем "Силезском миллиарде" (8 статей), как помещики с помощью правительства ограбили их деньгами и землей при уничтожении феодальных повинностей, и требовал миллиард талеров в возмещение убытков.

Одновременно с этим в апреле появились лекции Маркса о наемном труде и капитале, в виде целого ряда передовых статей, ясно определяя социальную цель нашей политики. Каждый номер, каждое приложение указывало на готовящийся великий бой, на обострение антагонизма во Франции, Италии, Германии и Венгрии. Собственно, апрельские и майские приложения были то же время и воззваниями к народу, указывая ему на необходимость быть готовым к выступлению.

По ту сторону границы, в империи удивлялись, как бесцеремонно мы проделывали все это в прусской крепости первого ранга - против гарнизона в 8.000 человек и вблизи военной тюрьмы; но благодаря восьми ружьям со штыками и 250 боевым патронам в редакционной комнате, а также красным якобинским шапкам наборщиков, наш дом считался у офицеров крепостью, которую не возьмешь голыми руками. Наконец, 18-го мая 1849 года разразился удар.

Восстание в Дрездене и Эльберфельде было подавлено, в Изерлоне - окружено, Рейнская область и Вестфалия были запружены штыками, которые предназначались для движения на Пфальц и Баден после окончательного подавления Рейнской провинции. Тогда, наконец, правительство осмелилось напасть на нас. Часть редакции подверглась судебному преследованию, другая, как не-пруссаки, - высылке. Против этого ничего нельзя было сделать, покуда целый армейский корпус поддерживал правительство. Мы должны были сдать нашу крепость, но мы отступили с оружием и обозом, с барабанным боем и с развевающимся знаменем последнего красного номера, в котором предостерегали кельнских рабочих от безнадежных мятежей и обращались к ним с призывом.

"Редакция "Новой Рейнской Газеты" благодарит вас на прощанье за проявленное участие. Ее последним словом везде и всегда будет: освобождение рабочего класса!"

Так прекратила свое существование "Новая Рейнская Газета", немного не дожив до годовщины издания. Начатая почти: без всяких средств (то немного, что было ей обещано, вскоре было изъято, как сказано), она имела уже в сентябре почти пятитысячный тираж. Во время осадного положения в Кельне, она была закрыта; в середине октября ей пришлось начинать все с самого начала, но в мае 1849 года, к моменту ее удушения, она вновь приобрела уже 6.000 подписчиков, в то время как "Кельнская Газета", по ее собственному признанию, имела тогда не больше 9.000. Ни одна немецкая газета ни до, ни после нее не обладала такой силой и влиянием, не электризовала так пролетарскую массу, как "Новая Рейнская Газета".

И этим она была обязана, главным образом, Марксу. После нанесенного удара редакция рассеялась. Маркс отправился в Париж, где готовилась развязка, кончившаяся 13-го июня 1849 г. Вильгельм Вольф занял теперь свое место во франкфуртском парламенте - теперь, когда собранию предстояло выбирать между разгоном сверху или присоединением к революции. Я же отправился в Пфальц и стал адъютантом в отряде волонтеров Виллиха.

Генрих Гейне

КОБЕС I *****

Когда в году сорок восьмом
Народ горячо волновался,
На заседание парламент
Во Франкфурте собрался.

И "белую даму" в те времена
Узрели вновь в ремерском зале. *****
Тот призрак беды предвещал,
Его "экономкой" прозвали.

Идет молва, что в Ремер она
Является той ночью.
Как только глупость опять совершить
Собираются немцы воочью.

И вот я увидел в то время сам,
Как ночью шла "белая дама"
По залам пустынным, где кучи лежат
Средневекового хлама.

Фонарь и ржавые ключи

В руках она бледных держала;
Вскрывала грузные лари
И шкафы, что по стенам зала.

Там царские знаки в пыли лежат:
Вот булла золотая,
Корона, держава и скипетр царей,
И прочая ветошь такая.

Лежит старинный царей наряд,
Пурпурные тряпки иные -
Немецкой империи весь гардероб -
Истлевшие ныне, гнилые.

Скорбит "экономка" при виде таком,
Трясет головою напрасно,
И вскрикивает вдруг она:
- Воняет все ужасно!

Дерьмом мышиным пахнет все,
Все гнилью, плесенью покрыто,
На пышном некогда тряпье
Мильоны паразитов.

На тех горностаях - сомнения нет -
Что день коронации знали,
Кошки из ремерских разных квартир
Котят своих рожали.

Тут чистка бессильна! О, сжался, господь!
Над будущим кайзером! Смело
На целую жизнь горностаевый плащ
Блохами снабдит его тело.

Но знайте, коль у властителя зуд,
Народ его должен чесаться...
О, немцы! Боюсь, что за княжеских блох
Придется мощной откупаться.

Но бросим и кайзера мы, и блох!
Ведь, сгнил и совсем негодный
Тот старый костюм, - мы в новый век
Костюм шьем новомодный,

***** Кобес (Jakobus) - кличка, данная Якову Венедю, болтуну из франкфуртского национального собрания.

***** Ремер - ратуша во Франкфурте.

И прав был тот немецкий поэт,
Сказав Ротбарту стихами:
"Ведь, если серьезно на дело смотреть,
То кайзер не нужен над нами".

Но если империей обзавестись
И кайзера выбрать хотите,
Родные немцы, - мой совет:
Ума и славы не ищите.

Патриция не нужен род,
Берите из плебса любого,
Ни льва, ни лисицы не надобно вам,
Берите барана тупого.

Из Кельна Кобес нужен вам,
Он в глупости чуть не гений;
Не будет народ терпеть от него
Неправедных гонений.

Чурбан - всегда наилучший монарх,
Как видно в Эзоповой басне;
Для нас, для бедных лягушат,
Длинноклювый аист опасней.

А Кобес не будет тираном для вас -
Нероном иль Олоферном;
Не лютое сердце древних в нем,
В нем мягкое сердце наверно.

Торговцев спесь отвергла его,
Тогда в объятья илотов
Рабочих обиженный бросился в миг
И стал красою санкюлотов.

Союзом ремесленным раз навсегда
В ораторы избран был бравый;
Он с ними делился их хлеба куском,
Гордились они его славой.

Гордились, что не знал совсем
Он университетов,
И книги разные сам сочинял
Без всяких факультетов.

И все невежество свое
Он сам добыл бесспорно;

Никто не воспитывал душу его
И знаньем не портил сорным.

И ум, и мышление его
Избегли абстракции едкой
Философических наук!
Да, Кобес - характер редкий.

Стереотипная слеза
Блестит в глазах непорочных;
И глупость жирная всегда
Лежит в губах его сочных.

Слова вислоухие мямлит он,
Хнычет и мямлит упрямо.
Наслушавшись их накануне родов,
Осла родила одна дама.

В писании книг и вязанье чулков
Досужее время проводит;
Чулки же, которые он навязал,
Прекраснейший сбыт находят.

Стараются музы и сам Аполлон,
Чтоб бросил он творчества муки,
И велик их испуг, когда снова берет
Он перо гусиное в руки.

Вязанье напомнило прошлое мне -
Дни функенов^{*****}. Храбрая рота
В часы караула вязала чулки,
Была там железу работа.

А Кобес, воссев на царский престол,
Вновь функенов к жизни пробудит,
И храбрый отряд, окружая трон,
Королевскою гвардией будет.

Пожалуй, с такими бойцами монарх
На Францию двинуться сможет,
Чтоб немцам Бургундию вновь возвратить,
Эльзас с Лотарингией тоже.

***** Функены - в прежнее время называлась муниципальная гвардия в Кельне.

Не бойтесь, он не бросит дом;
Он предан великой идее
И мирным желаньям - Кельнский собор
Достроить поскорее.

Но только он кончит задачу свою,
С плеч сбросит долга обузу,
То вмиг, вооружась мечом,
Потянет к отчету французов.

Эльзас с Лотарингией снова вернет,
Потом, сверкая задором,
В Бургундию направит шаг,
Но кончить дай с собором.

Да, немцы, коль все же вы хотите царя,
Не нужно особенных мер вам,
Пусть царь карнавальнй воссядет на трон,
И будет он Кобесом Первым.

Министров своих пусть он наберет
В союзе шутов карнавальных,
Оденет в дурацкий колпак их, а герб
Свой спицей украсит вязальной.

Пусть канцлером Дрикеса сделает он, -
Граф Дрикес-Дриксгаузен он станет;
Пусть лейб-фаворитка Марицебилль
Бить кайзерских вшей не устанет.

И в Кельне, священном граде своем,
Пусть Кобес поселится,
А кельнцы, услышав приятную весть,
Иллюминуют столицу.

На звонницах воздуха медные псы
Все б радостным лаем взревели;
И три короля, что с востока пришли,
Проснутся в своей капелле.

На радостях выйдут, костями стуча,
Запляшут от нетерпенья.
"Аллилуя и Кирие Элейсон!" -
Раздастся их пенье.

Так "дама белая" рекла
И, кончив, захохотала;
Зловеще эхо разнеслось
По всем заброшенным залам.

ЖЕНЩИНЫ ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ *****

У меня было много случаев наблюдать, несколько легко осваиваются женщины с самым непривычным, самым ужасным положением и сохраняют полное присутствие духа, как только им представляется возможность соответствующей деятельности. В домах, наиболее подверженных опасности, под свист пуль, среди сражающихся, раненых и умирающих, девушки и женщины занимались хозяйственными делами с таким спокойствием и хладнокровием, как если бы они выросли в такой обстановке. Особенно памятна мне одна уже немолодая дама, которая, в первом этаже углового дома, сильно обстреливаемого из пушек с крепостного вала, не только очень деловито заботилась со своими прислужницами об обеде и питье для многочисленного гарнизона ее квартиры, но, будучи не то вдовой, не то дочерью какого-то испанского офицера и, по ее словам, "уже переживши нечто подобное и понимая в этом деле", одновременно приняла командование над инсургентами в ее владениях: бежит к горшкам в кухню, оттуда вновь спешит в комнаты, указывая мужчинам, как надо стать, чтобы метко целиться и в то же время оставаться под прикрытием от вражеских пуль. Как я узнал после, и ее настиг смертельный свинец среди ее неутомимой деятельности. Незадолго перед этим в нескольких шагах от этого дома разыгрался конец потрясающей драмы. Молодая девушка, жених которой погиб у нее на глазах в первые же дни восстания, поклялась отомстить за его смерть. В траурной одежде, с распущенными волосами, она открыто стояла на опасной баррикаде, посылая верной рукой свои пули, пока не упала смертельно раненая. Она была не единственной героиней тех дней. В штаб отряда явились однажды три молодых человека в гимнастических костюмах и пожелали быть зачисленными в ряды восставших бойцов. Некоторые присутствующие указывали на их почти детский возраст и, главным образом, на слабое сложение одного из них. Тогда старший из них объявил, указывая на ближайшего к нему товарища: "это - девушка". Другая девушка находилась с самого начала боя на баррикаде и немного спустя после ухода инсургентов из Дрездена пришла к Ратуше, жалуясь, что ни одна пуля не попала в нее. Она быстро удалилась со словами: "Быть-может, пуля еще настигнет меня; я иду за своими товарищами. Прощайте!" Ее желание не исполнилось: приговор к пожизненному заключению вознаградила ее попытку искупить святой смертью неудавшуюся жизнь.

***** Реккель о дрезденском майском восстании.

Фридрих Энгельс
РЕЙНСКАЯ ПРУССИЯ *****

Когда 11-го мая я прибыл в Эльберфельд, там находилось, по меньшей мере, от 2.500 до 3.000 вооруженных людей. Из этого числа надежными были только приезжие волонтеры да немногие вооруженные эльберфельдские рабочие. Ландвер колебался: большинство было охвачено неодолимым страхом перед кандалами. Вначале таких было немного, но затем к ним присоединились все нерешительные и боязливые из других отрядов. Наконец, национальная гвардия, - реакционная здесь с самого начала и созданная специально для подавления рабочих, - объявила себя нейтральной и решила защищать только свои владения. Все это, однако, выяснилось лишь в течение ближайших дней; но, между тем, часть приезжих волонтеров и рабочих разбежалась, количество действительной боевой силы уменьшилось вследствие неорганизованности и безалаберщины, в то время как национальная гвардия все больше сплывала и с каждым днем все откровеннее высказывала свои реакционные стремления. В последние ночи она снесла уже некоторые баррикады. Вооруженные добровольческие отряды, насчитывавшие вначале, наверное, свыше тысячи человек, сократились 12-го и 13-го числа уже наполовину, но когда, наконец, дело дошло до генерального сбора, выяснилось, что вся вооруженная сила, на которую можно было рассчитывать, составляла самое большее семьсот - восемьсот человек. Ландвер и национальная гвардия отказались явиться на этот сбор.

Но это еще не все! Восставший Эльберфельд был окружен исключительно "нейтральными" местностями. Бармен, Кроненберг, Леннеп, Лютринггаузен и т.д. не примкнули к движению. Революционные рабочие этих мест, поскольку они были вооружены, отправились в Эльберфельд. Национальная гвардия во всех этих местах была только орудием в руках фабрикантов для сдерживания рабочих; набранная из самих же фабрикантов, фабричных надсмотрщиков и всецело зависящих от фабрикантов мелких торговцев, она управляла этими городами в интересах "порядка" и фабрикантов. Даже самих рабочих, которые были довольно далеки от политических интересов благодаря тому, что были рассеяны преимущественно в сельских округах, удалось частично привлечь на сторону фабрикантов при помощи запугивания и клеветы о характере эльберфельдского движения; впечатление этой клеветы на крестьян было рассчитано безошибочно. К тому же движение возникло в то время, когда после пятнадцатимесячного торгового кризиса фабриканты были вновь завалены заказами, а, как известно, трудно произвести революцию, когда рабочие обеспечены работой, - обстоятельство, имевшее большое значение и в Эльберфельде. Ясно, что

при таких обстоятельствах все "нейтральные" соседи были, конечно, лишь скрытыми врагами.

Более того! Связь с остальными восставшими областями вовсе не была организована. Время-от-времени появлялись отдельные «люди из Гагена; об Изерлоне не знали ничего. Несколько человек являлись к комиссарам, но никому нельзя было довериться. Некоторые гонцы между Эльберфельдом и Гагеном были, видимо, арестованы в Бармене и его окрестности национальной гвардией. Единственное место, с которым поддерживалась связь, был Золинген, и там происходило совершенно то же самое, что и в Эльберфельде. Что там дело обстоит не хуже, - этому мы всецело обязаны прекрасной Организации и решимости золингенских рабочих, которые ринулись в Эльберфельд от четырех до пяти сот вооруженных. Ключей, но все еще оставались достаточно сильны, чтобы поддерживать у себя противодействие буржуазии и национальной гвардии. Будь эльберфельдские рабочие так же развиты и так же организованы, как золингенские, - шансы сильно бы изменились. При таких обстоятельствах необходимы были быстрые, энергичные меры, которые вдохнули бы новую жизнь в движение, влили в него свежие боевые силы, ослабили его внутреннего врага и создали бы возможно более мощную организацию движения по всей промышленной области Бергиш-Марк. Первым шагом должно было явиться разоружение эльберфельдской национальной гвардии и раздача ее оружия рабочим, затем - введение принудительного налога для содержания вооруженных таким образом рабочих. Этот шаг решительно покончил бы с предшествующей вялостью Комитета общественной безопасности, вдохнул бы новую жизнь в пролетариат и ослабил бы силу сопротивления "нейтральных" округов.

Дальнейшее, как доставка оружия из этих округов, распространение восстания и планомерная организация защиты всей области, зависело от успеха этого первого шага. Впрочем, при наличии такого решения со стороны Комитета общественной безопасности и при помощи четырехсот золингенцев, национальная гвардия была бы разоружена в мгновение ока. О ее геройской храбрости не приходится напоминать.

Забота о безопасности обвиняемых по делу о майском восстании в Эльберфельде, содержащихся еще в заключении вызвала мое заявление, что все эти предложения исходили лишь от меня одного. Мысль о разоружении национальной гвардии я поддерживал с того самого момента, когда начали иссякать денежные средства Комитета общественной безопасности.

Но достоимый Комитет общественной безопасности не считал себя ни в малейшей степени вынужденным к подобного рода "террористическим мероприятиям". Единственное, чего я добился, или, вернее, самовластно провел с несколькими начальниками отрядов, - которые все благополучно спаслись, и иные из них уже в Америке, - это изъятие около восьмидесяти ружей кроненбергской национальной гвардии, сохранявшихся в тамошней ратуше. Но и эти ружья, распределенные в высшей степени легкомысленно, попали в

***** Из "Новой Рейнской Газеты". Политико-экономическое обозрение, под редакцией Карла Маркса. 1850 г.

большинстве в руки подвыпивших люмпен-пролетариев, которые в тот же вечер продали их буржуа. Господа буржуа вообще посылали своих агентов в народ для закупки возможно большего количества ружей, за которые они давали довольно высокую плату. Таким способом эльберфельдский люмпен-пролетариат доставил буржуазии несколько сотен ружей, попавших к нему в руки, благодаря небрежности и беспорядку наспех созданных импровизированных учреждений. Этими ружьями была вооружена фабричная охрана, наиболее надежные красильщики и т.д., и т.д., и ряды "благонамеренной" национальной гвардии пополнялись день ото дня.

Господа из Комитета общественной безопасности отвечали на каждое предложение о лучшей защите города, что все это бесполезно, пруссаки остерегутся прийти, они не осмелятся забраться в горы и т.д. Эти господа сами очень хорошо знали, что распространяют лишь грубые сказки, что город мог быть обстрелян полевой артиллерией со всех высот, что ничто не было подготовлено хотя бы для мало-мальски серьезной обороны, и что при затишье движения и при колоссальном превосходстве прусских сил эльберфельдское восстание могло быть спасено лишь совершенно исключительными событиями.

Впрочем, прусский генералитет, казалось, тоже не имел ни малейшей охоты отправиться на почти незнакомую территорию не собрав предварительно, во всяком случае, подавляющей боевой силы. Четыре незащищенных города - Эльберфельд, Гаген, Изерлон и Золинген - импонировали этим осторожным двоенным героям настолько, что они подвели из Везеля, Вестфалии и восточных провинций настоящую армию в двадцать тысяч человек, с многочисленной кавалерией и артиллерией, и расположили ее по всем правилам искусства на стратегической позиции за Руром. Высшее командование и генеральный штаб, правый фланг, центр, - все было в прекраснейшем порядке как-будто против них действовала колоссальная вражеская армия, как-будто бы предстояло сражение с каким-нибудь Бемом или Дембинским, а не неравный бой с несколькими сотнями неорганизованных рабочих, плохо вооруженных, почти без вождей и преданных за спиной теми, кто дал им оружие в руки.

Известно, как окончилось восстание. Известно, как рабочие, наскучившие вечными проволочками, нерешительностью, малодушием и изменническими убавкиваниями мелкой буржуазии, отступили, наконец, из Эльберфельда, чтобы пробиться в какую-либо лучшую область, где конституция дала бы им хоть какую-нибудь защиту. Известно, какая охотничья травля была устроена, на них при посредстве улан и подстрекаемых крестьян. Известно, как сейчас же после их отступления, крупная буржуазия выползла вновь, приказала снести баррикады и построила в честь приближающихся прусских героев триумфальную арку. Известно, как Гаген и Золинген были отданы в руки пруссаков прямой изменой буржуазии, и лишь Изерлон выдержал неравный двухчасовой бой против нагруженных уже добычей из Дрездена победителей - 24-го полка.

Часть эльберфельдских, золингенских и мюльгеймских рабочих

благополучно пробралась в Пфальц. Здесь они встретились со своими земляками, бежавшими после разгрома прюмского цейхгауза. Вместе с ними они образовали состоящую почти исключительно из рейнских уроженцев роту в волонтерском отряде Виллиха. Все их товарищи должны признать, что всюду, где им пришлось быть в огне, а также в последнем решительном бою они дрались очень храбро.

Эльберфельдское восстание заслуживает подробного изложения уже по одному тому, что как-раз здесь наиболее резко выяснились и развились позиции различных классов в конституционном движении. В остальных городах горного округа движение всецело походило на эльберфельдское, за исключением того, что там, участие или неучастие различных классов в движении было менее последовательным, ибо сами классы там не так резко разграничены, как в промышленном центре области. В Пфальце и в Бадене, где почти не существует концентрированной крупной промышленности, а, следовательно, и развившейся крупной буржуазии, где классовые отношения складываются более патриархально, смешение классов, явившихся носителями революционного движения, было еще более хаотичное. Мы отметим это позднее и в то же время увидим, что все эти вспышки восстания группируются вокруг мелкой буржуазии, являющейся кристаллизационным центром конституционных благоглупостей.

Попытки восстания в Рейнской Пруссии в мае прошлого года ясно показывают, какую позицию может занять эта часть Германии в революционном движении. Окруженная семью крепостями, из которых три являются для Германии первоклассными занятая непрерывно почти третьей частью всей прусской армии, прорезанная по всем направлениям железными дорогами, снабженная целым флотом для военного транспорта, Рейнская область может лишь присовершенно исключительных условиях получить шансы для успешного восстания. Лишь захватив крепости, жители Рейнской области могут добиться какого-нибудь успеха с оружием в руках. А этот случай может представиться либо тогда, когда военная власть будет терроризована и потеряет голову от грозных внешних событий, либо если вся армия или часть ее присоединится к движению. Во всяком другом случае восстание в Рейнской провинции заранее обречено на неудачу. Быстрый поход баденцев на Франкфурт и пфальцев на Трир мог бы, повидимому, немедленно поднять восстание на Мозеле, Эйфеле, в Нассау и в обоих Гессенах и заставить войска средне-рейнских государств, тогда еще благожелательно настроенные, примкнуть к движению. Не подлежит никакому сомнению, что все рейнские войска, и в особенности вся 7-я и 8-я артиллерийские бригады, последовали бы их примеру или, по крайней мере, достаточно громко выразили бы свое намерение, чтобы заставить прусский генералитет потерять голову. Вероятно, многие крепости попали бы в руки народа, и если не Эльберфельд, то большая часть левого берега Рейна была бы, во всяком случае, спасена. Все это, а может-быть, "и еще больше, было потеряно, благодаря мерзкой, торгашески-мещанско-трусливой политике высокоумного баденского

"Комитета".

С поражением рейнских рабочих погибла и единственная газета, в которой они находили открытую и решительную защиту своих интересов - "Новая Рейнская Газета". Ее главный редактор, хотя и уроженец Рейнской области, был выслан из Пруссии. Другим редакторам предстоял прямой арест, остальным - немедленная высылка. Кельнская полиция объяснила это с величайшей наивностью и детально доказала, что знает за каждым достаточное количество поступков, чтобы действовать тем или иным образом. Итак, газета должна была прекратиться в тот момент, когда ее неслыханно быстро разросшееся распространение более чем обеспечило ее существование. Редакторы рассеялись по различным немецким странам, где восстание уже кончилось или еще продолжалось: некоторые отправились в Париж, где предстоял новый поворотный пункт. Никто из них не избежал ареста или высылки во время или после движения этого лета и, таким образом, никто не избежал судьбы, которую кельнская полиция уготовила им от доброго сердца. Часть наборщиков отправилась в Пфальц и вступила в армию.

И рейнское восстание должно было закончиться трагически. Три четверти Рейнской области было объявлено на осадном положении, сотни людей были брошены в тюрьму, и заключительным аккордом восстания явился расстрел трех участников штурма прюмского цейхгауза вечером, накануне дня рождения Фридриха-Вильгельма IV Гогенцоллерна.

Vae victis! Горе побежденным!

КАМПАНИЯ ЗА ИМПЕРСКУЮ КОНСТИТУЦИЮ *****

Конституционная кампания провалилась благодаря собственной половинчатости и внутреннему ничтожеству. Со времени июньского поражения 1848 года для наиболее цивилизованной части европейского континента вопрос сводился к следующему: или господство тех классов, что господствовали до февраля. Середины больше не могло быть. Как-раз в Германии буржуазия выказала свою неспособность к господству; она могла сохранить свое господство над народом, лишь снова соединившись с дворянством и бюрократией. Мелкая буржуазия, связанная с немецкой идеологией, попыталась провести в конституции невозможное примирение, чтобы отсрочить решительный бой. Попытка должна была потерпеть крах: ведь, тем, кто принимал близко к сердцу движение, было мало дела до конституции, а те, кто принимали близко к сердцу имперскую конституцию, не относились серьезно к движению.

Но конституционная кампания и при этих условиях дала не менее значительные результаты. Она прежде всего упростила положение. Она пресекла бесконечный ряд попыток соглашения: после ее гибели может победить или слегка конституционная, феодально-бюрократическая монархия, или действительная революция. А революция в Германии не

может быть завершена, пока пролетариат не добьется полного господства.

Далее, конституционная кампания значительно помогла развитию классового антагонизма в тех областях, где он был недостаточно резко развит. Особенно в Бадене. В Бадене, как мы видели, перед восстанием почти не существовало классового антагонизма. Отсюда общепризнанное господство мелкой буржуазии над всеми оппозиционными классами, отсюда кажущееся единодушие населения, отсюда быстрота, с которой баденцы, как и венцы, переходят от оппозиции к возмущению при каждом удобном случае пытаются поднять восстание и не пугаются даже открытого боя с регулярной армией. Но как только восстание разразилось, классы определенно разграничились, мелкая буржуазия отделилась от рабочих и крестьян. В лице своего представителя Brentano она опозорила себя на вечные времена. Прусские сабли привели ее самое в такое отчаяние, что она предпочитает ныне любой режим, даже режим рабочих, теперешнему гнету; в ближайшем движении она примет более деятельное участие, чем когда-либо; но, по счастью, она никогда вновь не будет играть самостоятельной и господствующей роли, как при диктатуре Brentano. Рабочие и крестьяне, которые также сильно страдают от теперешнего господства сабли, не напрасно проделали опыт последнего восстания; им нужно, помимо всего прочего, отомстить за своих павших и убитых братьев, и они позаботятся, чтобы в следующем возмущении власть попала к ним, а не в руки мелких буржуа. И если никакой повстанческий опыт не заменит классового развития, которое достигается лишь путем долголетнего воздействия крупной промышленности, то все же, благодаря последнему восстанию и его следствиям, Баден вступил в ряды немецких провинций, которые займут одно из важнейших мест в предстоящей революции.

С политической точки зрения, конституционная кампания была, разумеется, неудачна. С военной - то же самое. Единственный ее шанс на успех находился вне Германии, в победе республиканцев в Париже 13-го июня, и движение 13-го июня провалилось. После этого события конституционная кампания могла быть лишь более или менее кровавой буффонадой. Ничем другим она и не была. Глупость и измена разорили ее окончательно. Военные руководители, за исключением немногих, оказались изменниками, или негодными поверхностными и трусливыми карьеристами; немногочисленные же исключения были обойдены повсюду как правительством Brentano, так и другими. Всякому, кто в предстоящем движении предъявит свое звание геккерского генерала или офицера времен конституции, нужно немедленно указать на дверь. Каковы начальники, таковы и солдаты. Баденский народ заключает в себе лучшие воинственные элементы, но во время восстания они были с самого начала настолько испорчены и запущены, что получилась та жалкая картина, которую мы нарисовали! Вся "революция" разрешилась настоящей комедией, и единственное утешение состояло лишь в том, что шестеро сильнейший противник обладал еще в шесть раз меньшим мужеством.

***** Из "Новой Рейнской Газеты". Политико-экономическое обозрение под ред. Карла Макса. 1850 г.

Комедия закончилась, однако, трагически, благодаря кровожадности контр-революции. Те самые воины, которых не раз охватывал панический ужас во время похода или на поле брани, умерли героями во рвах Раштатта. Ни один не молил о пощаде, ни один не задрожал. Немецкий народ не забудет расстрелов и казематов Раштатта; он не забудет тех высокопоставленных особ, по приказанию которых совершались эти подлости, но он не забудет также изменников, благодаря трусости которых они стали возможны. Мы разумеем господ Брентано из Карлсруэ и Франкфурта.

Франц Меринг

БАДЕНСКИЙ ПОХОД *****

....В Бадене почти все население было единодушно в своей ненависти к вероломному и двоедушному правительству. Оно не успокоилось даже тогда, когда великий герцог согласился признать имперскую конституцию. Оскорбляемое офицерами из дворян, войско стало во главе революционного движения и помогло ему победить. Не совсем так единодушен был соседний рейнский Пфальц, где имелись отдельные реакционные округа. Но и он сбросил с себя баварское иго, и здесь часть армии перешла к народу. За исключением старо-баварских войск, брожение захватило все южно-германские армии, и население Вюртемберга, Гессена, Нассау, Франконии ждало лишь общего сигнала к восстанию. Если бы баденское войско двинулось к Франкфурту и подчинило германское национальное собрание своему терроризирующему влиянию, то вся юго-западная Германия превратилась бы в военный лагерь революции, и тогда, пожалуй, отнюдь не была бы исключена возможность крупного успеха даже в прирейнских землях...

Несколько случаев трагикомической паники во время боя доказали, что повстанческим войскам недоставало военной дисциплины, но рядом с этим последние доказали примерами бесподобного героизма, что они все-таки были проникнуты революционным духом. Коммунисты и пролетарии, сражавшиеся в их рядах, всегда оказывались самыми храбрыми солдатами.

В решительной стычке при Ваггейзеле, которую повстанцы с честью проиграли, пал во главе своего батальона молодой Шлеффель. Трудное отступление через горы от Гейдельберга к Карлсруэ и Раштатту Беккер прикрывал своими необученными ополченцами так умело и успешно, что даже прусская военная пресса отдала дань уважения этому делу. Под стенами Раштатта собралось еще 13.000 человек, - последние остатки баденской и пфальцской армии, и в двухдневном сражении на р.Мург они держались так храбро, что в шесть раз более сильный неприятель мог сдвинуть их лишь посредством обхода черед нейтральную вюртембергскую область. В этом сражении выстрелом в голову был убит Молль. Из Лондона, куда он бежал после сентябрьских беспорядков в

Кельне, Молль вернулся в Германию еще зимой, чтобы снова отдаться агитации среди пролетариата. Как всегда, он и в баденско-пфальцском восстании проявил готовность брать на себя самые опасные поручения; до начала военных действий он в самой прусской армии вербовал канониров для пфальцской артиллерии. После потери мургской линии остаткам революционной армии осталось лишь бежать в Швейцарию.

Контр-революция победила, но лавров не пожалала. Зато она наслаждалась своим исконным занятием - убийством. Солдаты после каждой стычки в Бадене и Пфальце также расстреливали безоружных пленных, как и в Дрездене. После подавления всего восстания были устроены военные суды в Мангейме, Раштатте и Фрейбурге. Не совсем поняв свою варварскую задачу, они присуждали революционных борцов не к смерти, а к тяжелым каторжным работам. Тогда из главной квартиры принца Прусского прибыл приказ устроить новые военные суды, которые действительно уж лучше сумели показать цивилизацию прусской контр-революции. Они присудили к смертной казни 28 революционеров, в том числе людей, совсем не участвовавших в военных действиях, например, Трюцшлера и народного учителя Гефера. Все осужденные умерли, как герои, блестяще проявив благородство человеческой природы, от которого сумел так основательно отрешиться принц Прусский во время своего бегства после 18-го марта. 68 других борцов за свободу были приговорены каждый к 10 годам каторги. Поэт Готфрид Кинкель, служивший рядовым в корпусе Виллиха, раненый рядом с Моллем во время боев на Мурге и взятый затем в плен, был "помилован" прусским королем: пожизненное заключение в крепости, к которому присудил его военный суд, - было заменено пожизненной каторгой. Это была одна из тех благочестивых шуток, к которым вдохновляло романтического короля "воздымание очей горе".

Неисчислимы жертвы, тайно убитые в казематах Раштатта голодом, дурным обращением и тифом, свирепствовавшим в этих сырых и душных каменных мешках.

В памяти южно-германского населения навсегда осталось с тех пор имя "картечного принца", как в западной части Англии сохранилось после так-называемых "кровавых ассизов" имя Джефриса.

Фердинанд Лассаль

ПОЗОР ПРУССКОЙ ЮСТИЦИИ *****

История никогда не забудет, никогда не забудет народ, с какой готовностью, с каким невероятным и безграничным раболепством ринулись суды после ноябрьских событий, чтобы взять на себя роль палачей на службе у власти! За ноябрьскими событиями, при всем неописуемом материальном несчастье, которое они навлекли на страну, остается заслуга, что они сделали нас беднее на много больших иллюзий и обогатили нас огромным опытом. Они показали нам, как глубоко

проникла гниль в государственном организме. До сей поры еще верили в независимость суда.

Едва ноябрьские события разрешились в пользу королевской власти, стало очевидным, что меч правосудия является лишь фехтовальной рапирой в руках правительственных гладиаторов. Мы видели, как высшая рейнская судебная палата, рейнская кассационная и ревизионная палаты, как высший форум старых провинций - тайный верховный трибунал, как окружные суды Мюнстера, Ратибора, Бромберга выступили против своих членов и президентов Эссера, Вальдека, Темме, Кирхмана, Гирке, Борнемана. Они подали петиции, частью самим президентам, частью министру юстиции и, открыто издеваясь над законом, гласящим, что судьи могут быть увольняемы и отрешаемы от должностей судебным порядком лишь вследствие преступлений предусмотренных законом, понуждают министра юстиции удалить этих лиц с их должностей или моральным воздействием принудить их самих к уходу, и это потому, что они избраны в депутаты. Мы видели, что даже министерство юстиции Ринтелена сумело сохранить относительную законность, вопреки этому терроризму судебных палат, и не позволило склонить себя на отстранение этих лиц от должностей.

Мы видели, как окружной суд в Мюнстере бросил в тюрьму своего собственного президента Темме именно за то, что он был избран депутатом, хотя по закону он не может подвергнуться преследованию за это. Мы видели, как побуждаемая остатком чувства достоинства и стыда опять-таки административная власть, против произвола которой суды и должны были служить защитой, - само министерство юстиции Ринтелена должно было распорядиться об освобождении Темме. Мы видели» как в стремлении превратить раболепство из свободного искусства в экономическую необходимость, дошли до того, что в тайном верховном трибунале было предложено потребовать у министерства юстиции отмены закона о несменяемости судей. Мы видели, как члены окружного суда в Арнсберге требовали у своего директора учинить следствие против тайного советника юстиции Киндермана, потому что он, будучи избирателем, голосовал за кандидата левых. Мы видели, как уголовный суд в Гальберштадте, собравшись по всей форме закона и в достаточном по закону числе членов, оправдал одного слесаря, обвиненного в величайшем преступлении - в том, что он крикнул отъезжающему в Берлин ополченцу, чтобы тот не стрелял в своих братьев, и мы видели, как остальные члены суда требовали после у сената отмены вынесенного в законной форме оправдательного приговора и утверждения вместо него обвинительного. Мы видели, как окружной суд в Мюнстере посадил без всякого основания в тюрьму двенадцать, или больше, из членов вестфальского конгресса (неизвестно, почему именно этих, а не других) и затем также без всякого основания выпустил их после четырехмесячного заключения. Мы видели, как в Магдебурге, Бреславле, Гальберштадте, Эрфурте массовые приговоры к 6, 10, 14 годам тюрьмы опустошили ряды патриотов, схваченных в декабре. Нужно ли удивляться, что кельнский сенат не хотел нарушить эту гармонию и

послал меня на эту скамью!

Генрих Гейне **МИХЕЛЬ ПОСЛЕ МАРТА**

Я знаю немецкого Михеля, он
Всегда был лежебока;
Но в марте, казалось, стряхнув свой сон,
Он стал умней от урока.

Как гордо он голову поднял, грозя
Отцам страны! И бранно
Он клял - хоть это и нельзя -
Изменников высшего сана!

Все сладко слух ласкало мой,
Как сказки чудной слово;
Я вновь помолодел душой,
Забилось сердце снова.

Но красно-черно-желтый флаг,
Старо-германская ветوشь,
Взвился опять, навис кулак, -
И сказки чудесной нет уж.

Цвета эти знал я в былые дни,
А также их значение:
Немецкой свободе несли они
Тяжелые мученья.

И видел я: Арндт и Ян-крокодил,
Времен прошедших герои,
Опять восстали из могил
За кайзера горою.

Все бурши - юности былой
Товарищи, буяны -
Пылали к кайзеру душой,
Когда бывали пьяны.

Я видел попов, дипломатов род,
В грехах своих поседевший,
Влиянья римского старый оплот,
Над храмом единства потевший.

А Михель-добряк, терпеливый умом,
Заснул и храпит в угаре.
И вновь пробудился под нежным ярмом
Тридцати четырех государей.

ИЗ ОБРАЩЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА К СОЮЗУ КОММУНИСТОВ

Братья! За два революционных года 1848-49 Союз вдвойне оправдал себя: во-первых, тем, что его члены во всех местностях энергично вступили в движение и всегда находились в первых рядах единственного несомненно революционного класса пролетариата, - выступали они в печати, на баррикадах или на поле сражения. Союз оправдал себя, далее, тем, что его организация движения, как она была изложена в постановлении конгресса и центрального комитета 1847 года - в "Коммунистическом Манифесте", показала себя единственно правильной; все ожидания, высказанные в тех документах, сбылись в полной мере, и организация общественного строя, пропагандируемая раньше Союзом тайно, ныне у всех народов на устах и открыто проповедуется на всех площадях. Революция уже близка, будет ли она вызвана новым самостоятельным восстанием французского пролетариата, или походом священного союза на революционный Вавилон. И роль, которую играли перед народом немецкие либеральные буржуа в 1848 году, - эту изменническую роль возьмет на себя в предстоящей революции демократическая мелкая буржуазия, которая занимает теперь в оппозиции такое же положение, как либеральные буржуа в 1848 году. Эта демократическая партия, более опасная для рабочих, чем прежняя либеральная, состоит из трех элементов:

1. Из наиболее прогрессивных частей крупной буржуазии которые преследуют цель немедленного и полного свержения феодализма и абсолютизма. Эта фракция представлена прежними берлинскими соглашателями - теми, кто отказывается платить налоги.

2. Из демократически-конституционной мелкой буржуазии, главной задачей которой за время всех предшествующих движений было создание более или менее демократического союзного государства, к какому стремились и их представители левого крыла во франкфуртском собрании, позднее в штутгартском парламенте, да и они сами в конституционной кампании.

3. Из республиканской мелкой буржуазии, идеалом которой является немецкая федеративная республика, по типу швейцарской, и которая называет теперь себя красными и социал-демократами, потому что она питает благочестивое желание уничтожить давление крупного капитала на мелкий и давление крупной буржуазии на мелкую. Представители этой фракции были членами демократического конгресса и комитета, руководителями демократических союзов, редакторами демократических газет.

Все эти фракции называют себя теперь, после своего поражения,

республиканскими или красными, совершенно так же, как республиканская мелкая буржуазия во Франции называет теперь себя социалистами. Там, где они имеют еще возможность преследовать свои цели конституционным путем, например, в Вюртемберге, Баварии и т.д., они пользуются каждым случаем, чтобы произносить свои старые фразы и доказать на деле, что они ни в малейшей степени не изменились. В общем, понятно, что перемена имени ничего не меняет в отношении этой партии к рабочим и лишь доказывает, что она выступает против буржуазии, соединившейся с абсолютизмом, и потому должна опираться на пролетариат...

Связь революционной рабочей партии с нею заключается лишь в общем фронте против фракции, свержения которой она добивается; но рабочая партия расходится с ними во всем, чем они хотят упрочить свою власть.

Демократическая мелкая буржуазия, весьма далекая от желания перестроить все общество для революционных пролетариев, стремится лишь к тому изменению общественного порядка, которое сделает существующее общество возможно более доходным и удобным для них самих...

Демократическая мелкая буржуазия хочет возможно скорее завершить революцию, между тем как наши интересы и наша задача заключаются в том, чтобы сделать революцию перманентной до тех пор, когда все более или менее имущие классы лишатся своего господства, когда государственная власть будет завоевана пролетариями и когда должны добиться этих гарантий во что бы то ни стало и вообще заботиться о том, чтобы новые правители обещали всевозможные уступки. Вернейшее средство их скомпрометировать! Рабочие должны, елико возможно, удерживаться от упоения победой и воодушевления от нового положения, которые наступают после победоносного уличного боя, путем спокойной и хладнокровной оценки новых положений, путем открытого недоверия к новому правительству. Они должны учредить наряду с новыми официальными правительствами одновременно и собственные революционные рабочие правительства, будь то в форме общинных правлений, общинных советов, будь то в виде рабочих клубов или рабочих комитетов; так, чтобы буржуазно-демократические правительства не только не потеряли бы немедленно сдержанности по отношению к рабочим, но и увидели бы себя сразу под надзором и угрозой органов, за которыми стоит вся масса рабочих. Одним словом, с первого момента после победы недоверие должно направляться не только против побежденной реакционной партии, но и против своих бывших союзников, в сторону той партии, которая захочет одна эксплуатировать общую победу.

2. Но для того, чтобы энергично и с угрозой выступить против этой партии, чья измена рабочим начнется с первого часа победы, рабочие должны быть вооружены и организованы. Вооружение всего пролетариата ружьями, винтовками, пушками и снарядами - на этом нужно сейчас же настаивать и нужно противиться воскрешению старой, направленной против рабочих национальной гвардии. Там же, где этого достигнуть нельзя, рабочие должны попытаться самостоятельно организовать в пролетарскую гвардию, со своими выборными начальниками и выборным генеральным штабом, которая подчиняется не государственной власти, но революционным общинным советам, поставленным рабочими. Там, где рабочие будут привлечены на правительственную службу, они должны провести свое вооружение и организацию в виде особого отряда с выборным начальником, или как часть пролетарской гвардии. Оружие и патроны не должны выпускаться из рук ни под каким предлогом; всякой попытке разоружения необходимо препятствовать силой. Уничтожение влияний буржуазных демократов на рабочих, немедленная самостоятельная и вооруженная организация рабочих и создание наиболее затрудняющих и компрометирующих условий работы для неизбежного временного господства буржуазной демократии, - вот главные пункты, которые пролетариат, а тем самым и Союз, должен иметь в виду во время и после предстоящего восстания.

3. Как только новые правительства укрепятся до известной степени, сейчас же начнется борьба с рабочими. Чтобы иметь в этом случае возможность встретить демократическую мелкую буржуазию силой, необходимо прежде всего, чтобы рабочие были самостоятельно организованы и централизованы в клубы. Как только явится возможность, Центральный Комитет отправится, после падения существующего правительства, в Германию, немедленно созывает конгресс и сделает ему необходимые указания по поводу централизации рабочих клубов под единым управлением, учрежденным в главном штабе движения. Быстрая организация связи, по крайней мере, провинциальных рабочих клубов, есть один из важнейших пунктов для укрепления и развития рабочей партии. Следующим этапом после падения существующего правительства явится избрание народного представительства. Пролетариат должен здесь позаботиться о следующем:

1. Чтобы ни под каким предлогом ни один рабочий не был устранен при помощи интриг местных учреждений и правительственных комиссаров.

2. Чтобы повсюду, рядом с буржуазными демократическими кандидатами, были выставлены рабочие кандидаты, которые должны быть, по возможности, членами союза, и избрания которых надо добиваться всеми возможными средствами. Но даже и там, где нет никаких прав на победу, рабочие все же должны выставить собственных кандидатов, чтобы сохранить свою независимость, подсчитать свои силы, открыто выставить свою революционную позицию и партийную точку зрения. При этом они не должны поддаваться влиянию фраз демократов, в роде следующей: этим, мол, производится раскол демократической

партии и дается возможность победы для реакции. Во всех этих фразах смысл, в конце-концов, лишь тот, что пролетариат должен быть обманут.

Успехи, которые пролетарская партия должна получить при таком независимом выступлении, бесконечно важнее, чем вред, принесенный присутствием нескольких реакционеров в народном представительстве. Выступи демократия с самого начала решительно и террористически против реакции, то ее влияние при выборах будет уже заранее уничтожено. ...Подобно тому как демократы объединяются с крестьянами, так и рабочие должны объединяться с сельским пролетариатом. Демократы будут прямо добиваться в дальнейшем федеративной республики, или, по крайней мере, если они не сумеют обойти единой и неделимой республики, будут пытаться ослабить ее центральное правление, отстаивая, насколько возможно, самостоятельность и независимость областей и провинций. Рабочие должны, в противовес этому плану, добиваться не только единой и неделимой немецкой республики, но и создания в ней самой решительной централизации власти в руках государства.

Мы видели, что в дальнейшем развитии движения демократы получают господство, что они будут принуждены предложить более или менее социалистические мероприятия. Нас спросят, какие мероприятия должны предложить рабочие со своей стороны? Конечно, в самом начале движения рабочие не могут предложить прямых коммунистических мероприятий. Но они могут:

1. Принудить демократов, чтобы те возможно многостороннее вмешивались в существующий общественный порядок, нарушали его правильный ход и компрометировали самих себя; они могут заставить демократов сконцентрировать в руках государства возможно большее количество производительных сил, транспортных средств, заводов, железных дорог и т.д.

2. Они должны придавать самую крайнюю форму предложениям демократов, которые, во всяком случае, станут на почву реформ, а не революции, и превращать эти требования в прямое нападение на частную собственность. Так, например, если мелкие буржуа предлагают выкупить железные дороги и фабрики, то рабочие должны требовать государственной конфискации железных дорог без возмещения, как собственности реакционеров. Если демократы предлагают пропорциональный налог, рабочие требуют прогрессивный; если же сами демократы предлагают умеренно-прогрессивный, рабочие настаивают на налоге, ставки которого поднимаются так быстро, что крупный капитал должен при нем погибнуть; если демократы предлагают урегулирование долгов, рабочие требуют объявления государства банкротом. Таким образом, требования рабочих повсюду должны следовать за уступками и мероприятиями демократов.

Если немецкие рабочие не могут прийти до господства и до проведения своих классовых интересов, не проделав в полной мере длительного революционного развития, то у них есть на этот раз уверенность, что первый акт этой предстоящей революционной драмы совпадает с прямой победой их собственного класса во Франции и, тем самым, будет очень ускорен.

Но сами они должны подготовить самое главное для своей конечной победы: уяснить себе в полной мере свои классовые интересы, принять возможно скорее самостоятельную партийную позицию и не поддаваться влиянию лицемерных фраз демократической мелкой буржуазии, чтобы ни на одно мгновение не позволить ввести себя в заблуждение относительно независимой организации партии пролетариата. Их лозунгом должен быть - перманентная революция.

Лондон, март 1850 г.

Павел Фрелих

ГЕРМАНСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ 1848 ГОДА

*Хорошо это или плохо,
но мы должны примириться с тем,
что мы только мещане.*
Прудон. 29 апреля 1848 г.

I. Революционная идея в германском рабочем классе

Относительная сила и слабость пролетариата во время революционной борьбы 1848 года в Западной Европе повлекла за собой тяжелые следствия для немецкого рабочего движения.

Рабочий класс в Германии был достаточно силен в "безумном году", чтобы выставлять бойцов под ружье и приносить жертвы. Но он не мог наложить на революцию своего отпечатка. Нигде ему не удалось, самостоятельно или в связи с мелкой буржуазией, завершить буржуазную революцию и обеспечить ее достижения, как это удалось сделать городской мелкой буржуазии во Франции в 1792 году, совместно с пролетарскими слоями и крестьянством, посредством якобинской диктатуры. Правда, немецкий элемент руководил "Союзом Коммунистов". Но эти немецкие рабочие представляли собой маленькую избранную группу германского пролетариата. Они возвысились над отечественным провинциализмом, живя в кипящем кратере Парижа, в твердыне капитала Лондоне. Возвратясь в Германию, они оказались в таком незначительном числе, что немедленно расплылись по областным движениям и не могли даже сохранить организацию Союза. Они смогли помочь немецкому рабочему движению ровно настолько, чтобы возникли первые скудные ростки пролетарских организаций (Братский Союз Рабочих и т.п.), и научить рабочих, еще беспомощно лепетавших, формулировать первые положения своей программы. В политической борьбе рабочие подкрепляли левое крыло буржуазных демократов; до самостоятельного

действия они не дошли. Тактическая программа, изложенная Марксом и Энгельсом в "Коммунистическом Манифесте", оказалась невыполнимой немедленно. Лишь для ожидаемого второго периода революции она могла быть принята в расчет, как практический фундамент (см. "Обращение Центрального Комитета Союза").

Несмотря на свою слабость, рабочий класс нагнал большого страха на всю буржуазию. Пролетарии с оружием в руках защищали баррикады 18-го и 19-го марта. Этого достаточно, чтобы буржуазия содрогнулась перед таким героизмом и отказалась использовать победу. Еще сильнее подействовал героический бой парижского пролетариата, его наступление на самую буржуазию. И жалкое мужество свободного бюргера свернулось, как сыворotka. Великая драма превратилась в трагический фарс. Поражение и измена революции - так стала называться каждая глава в истории великого года. И слабость буржуазии пожирала силы пролетариата.

Благодаря этому, после подавления революции, была бесплодна даже попытка оживить вновь Союз Коммунистов. Все организационные ростки рабочей массы были раздавлены или засохли. В течение десятилетия после революции ни разу не происходило в Германии рабочее движение. В то время как во Франции, благодаря революционным течениям, нелегальным клубам и мощным извержениям, поддерживалась связь от 1793 через 1830 к 1848 году, и уже образовалась революционная традиция, - в Германии, после процесса коммунистов в Кельне, были прерваны все нити. Лишь немногие лица воплощали собой воспоминание о великой борьбе. Как мало из прежних борцов остались верны старому знамени! В письмах Лассаля к Марксу слышен стон глубочайшего одиночества.

В новый период политической жизни 60-х годов рабочий "класс" вступил новым поколением. Это поколение во время промежуточного периода было втянуто в промышленность. В революции оно не принимало участия; идеологическая борьба 1848 года была ему чужда. Буржуазия же сделала большое успокоительное открытие, что можно совершить накопление без революции. Реакционные годы пошли ей на пользу, и она нагуляла жиру. Поэтому она предоставила юнкерству (сопротивляясь лишь для видимости) государственный аппарат и ведение национальных войн. Хотя во время войны 1866 года вожди рабочих (Швейцер) подготовили социалистические партии на случай революционного выступления, но эти надежды не оправдались из-за позиции буржуазии. В эпоху величия новой Германии рабочий класс вступил, несмотря на Парижскую Коммуну, без революционного опыта и традиции.

Слабость рабочего движения в первые десятилетия, его незначительные практические успехи, преследования и лишения гражданских прав во времена Бисмарка, - все это указывало, конечно, рабочим массам на необходимость свержения буржуазной власти. И вера в наступление этого великого дня не покидала их никогда. Август Бебель был ее красноречивым проповедником. Но эта вера дьявольски походила на добрую христианскую веру в царство небесное: "Вера творит сие, а не

дела закона!" Никакой идеологической и организационной подготовки к революционной борьбе, никакой практики, постоянной целью которых являлось бы превращение классово-борьбы в революцию. Во время годовых праздников в память 1848 и 1871 года массы несколько разогрелись. А банда бесталанных вожак? Авгур улыбаются! А позднее, и особенно под впечатлением русской революции 1905 года, они впали в ярость. Они ругали "революционную романтику" некоторых дураков из пропагандистов "анархо-синдикалистских точек зрения", и они горлачили хором:

Все иностранцы, чужаки,
Средь нас посеяли ростки
Мятежных бурь!

К сожалению, они были правы. Иностранцы должны были вдохнуть революционный дух в массы. Роза Люксембург попыталась напитать им весь современный опыт и поднести рабочим крепкую квинт-эссенцию марксизма, вместо жидкого настоя "марксистских" теорий. Она сильно способствовала плодотворности мыслителей партии, упорно и настойчиво работала совместно с Францем Мерингом и Кларой Цеткин и одно время привлекла даже и Карла Каутского. Но когда эта работа должна была уже принести плоды, когда в 1910 году вошли в массовое движение во время прусских выборов, - тогда они потерпели крушение на подводных камнях партийного бюрократизма. Военная политика социал-демократии задушила остатки революционного сознания. Но война разбудила революционную волю рабочего класса.

II. Возникновение антибольшевистской теории

Мы видели, что в верхи немецкого рабочего движения проник резкий антиреволюционный дух. Необходимо было обосновать его теоретически, и мы знаем, что этим теоретическим осадком является ревизионизм. Эдуард Бернштейн пытался привести в систему внутренние противоречия этого ревизионизма. Бернштейновская дискуссия занимала в течение целого десятилетия социал-демократическую партию. Но интересно и вместе с тем показательно, что во всех этих рассуждениях позиция Бернштейна, выросшая на основе изучения французской революции 1848 года, не имела никакого значения для практических проблем революции. Насколько составитель этой статьи помнит и знает, ни один из критиков Бернштейна не останавливался на этом пункте. А между тем, он являлся стержнем и исходным пунктом его реформистских идей. Это своеобразное явление может служить признаком, как далеко отстоящими от революционной практики считали себя в то время.

Мы сказали: стержень и исходный пункт реформистской теории. Бернштейн подтверждает это сам. В книге "Как погибла одна революция" он подытожил все, что писал о проблеме революции. Он говорит в ней: "Верно лишь то, что она (книга "Предпосылки социализма". - П.Ф.) пыталась дать теоретическое основание необходимости и возможности принципиально реформистской политики социал-демократии и охарактеризовать в общих чертах основные линии этой политики. В этом

отношении она была результатом моего изучения истории февральской революции 1848 года. Это изучение уяснило мне, перед какой проблемой поставит политическая революция социал-демократию в прогрессивной Германии".

Это было грехопадением Бернштейна. Оно произошло непосредственно после смерти его сурового учителя Фридриха Энгельса. В середине девяностых годов Бернштейну пришлось просмотреть, по поручению партии, книгу Эритье "История французской революции 1848 года" [Текст в нашей библиотеке: <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p75800170.htm>] и - о, чудо! - он открыл при этом свое призвание историка: "Когда история становится нашей наставницей, мы должны попытаться объединить творческую силу поэта, который вновь вызывает к жизни людей и борьбу, с добросовестной строгостью естествоиспытателя, чья лупа не оставляет неисследованной даже самую маленькую деталь". С 1896 года Эд. Бернштейн поймал, конечно, несколько блох под лупой, но зато просмотрел великие исторические взаимоотношения. Его поэтический талант всегда изображает нам людей, как нечестивое исчадие революционного ада или как благородных образцовых филистеров.

Если немецкой социал-демократии было предопределено написать теорию реформизма на основании опыта какой-либо революции, то это должна была быть французская февральская революция. О великой французской революции Каутский написал сносную книжечку "Классовые противоречия", совсем не пугаясь террора. О немецкой революции 1848 года Блос написал бессодержательную книгу с картинками для больших и малых детей социал-демократов, в которой он порядком ругает буржуазию. Обе революции были по своему характеру чисто-буржуазными. Но в февральской революции классовый антагонизм буржуазии и пролетариата выразился с самого начала и разрешился в июньской борьбе. Каждое серьезное исследование здесь требовало, чтобы исследователь открыл свою масть, обнаружил свою внутреннюю сущность: за или против революционного пролетариата.

Бернштейн высказал свое мнение в этом вопросе, и ему самому это решение показалось разрушением исторической легенды, мимо которой прошел, будто бы, и Маркс, не обратив на нее внимания.

О какой легенде идет речь, - он резюмирует в предисловии: к своему сборнику таким образом: "Дело касается в сущности критики действий, которые возбуждались крайними фракциями французского социализма той: эпохи, бланкистами, называвшимися тогда бабувистами, и родственными им по духу элементами; более реформистски настроенные социалисты были или открытыми противниками их, или, по крайней мере, не принимали в них участия. В соображение приходят в первую очередь события 16-го апреля 1848 года, когда бланкисты, за спиной организовав демонстрацию, которая должна была выявить общее настроение социалистических рабочих Парижа, пытались превратить ее в акт, ведущий к насильственному "очищению" временного» правительства от буржуазных членов его; эта попытка

привела к тому, что большинство небланкистских социалистов примкнуло к национальной гвардии, вызванной временным правительством против бланкистов. Далее, безумная интермедия 15-го мая 1848 года, когда демонстрация за восстановление Польши, под влиянием агитаторов социал-революционного клуба, кончается вторжением возбужденных масс в национальное собрание; демонстранты разгоняют его, объявляют его распущенным и провозглашают новое правительство из людей своей окраски; в результате арест этого правительства и главных вождей бланкистов, среди которых и сам Бланки. Наконец, рабочее восстание 22-го июня 1848 года, которое кончается после трехдневного кровавого баррикадного боя полным поражением рабочих и влечет за собой жестокий акт мести по отношению к ним; но вследствие этой мести классовое противоречие между буржуазией и социалистическими рабочими так углубляется, что монархическая реакция все более и более усиливается, и, в результате, становится возможным государственный переворот 2-го декабря 1851 года, который уничтожает республику".

По Бернштейну, во всех этих действиях "легенда" хвалила социал-революционные партии и порицала буржуа-республиканцев. А это, по его мнению, как-раз в корне неверно. Нет, вся тяжесть вины должна пасть на революционные клубы, с их крикливыми фразами, на бандитов пера, которые наперерыв усердствовали в цинизме и насилии. Они разожгли страсти» они соблазнили массы на роковые действия, они расшатали биржевой дисконт угрозами якобинской диктатуры и тем самым толкнули мелкую буржуазию в лагерь контр-революции; они вызвали всем этим июньский бой. И все это происходило, - думает дальше Бернштейн, - потому что они не были марксистами и не понимали, что и в 1848 году во Франции была возможна лишь буржуазная, а не социалистическая революция.

О, если бы тогда во главе рабочих стояли, вместо Бланки и товарищей, brave реформисты, как Луи Блан и его друзья из Люксембургского дворца, тогда все бы обошлось миром, и Наполеон Малый мог бы лишь облизнуться, ибо: "В зависимости от того, кто были вожди революционного парижского народа - многоречивые фантазеры или дальновидные политики - июньский бой мог казаться необходимым или не совершился бы. Ведь, никто не станет утверждать, что июньский бой 1848 года был исторической необходимостью". Бернштейна преследует несчастье всех слабых политиков и историков. Он настолько прав в каждом отдельном пункте, что в целом становится абсолютно неправым. Конечно, большая разница, кто стоит во главе движения - проницательные или дураки, слабые или сильные; конечно, отдельные явления, события, "случайности", влияют на ход истории. Но, когда рассматривают в лупу лишь эти мелочи и при этом теряют из виду положение классов по отношению друг к другу, то дело сводится лишь к скучному моралистическому фехтованью. И если можно установить, что в 1848 г. социализм и рабочая диктатура были еще невозможны во Франции, то от этого еще далеко не становишься марксистом. Если же на основании такого решения в подобных положениях проповедают рабочим

капитуляцию перед недоброжелательным роком, тогда становятся социал-предателями.

Если бы рабочие удовлетворились буржуазной республикой, - думает Бернштейн, - то дело бы не дошло до июньского боя. Верно ли это? Установим факты. Рабочий класс совершил вместе с буржуазией революцию, это значит: рабочие сражались в феврале на баррикадах, в то время как буржуазия устраивала банкеты в честь свободы. Рабочие сознавали противоположность своих и буржуазных интересов, и они чувствовали свою силу. Они вынудили провозглашение республики и провели одного из своих в министры временного правительства, с лозунгом "права на работу". В чем заключалась особая сила пролетариата? В его массе, в оружии, которое он держал в руках, в степени его классового сознания и в его скоплении в Париже, который господствовал над Францией. Эта сила должна была быть усмирена в конце-концов, благодаря твердому еще экономическому положению буржуазии и медленно действующей, но давящей тяжести антиреволюционного крестьянства. В парламентских выборах проявилось абсолютное буржуазное большинство, и социалистический рабочий класс остался в незначительном меньшинстве. Мог ли этот рабочий люд отказаться теперь от проведения своих требований? Никакие парламентские выборы не заставят какой-нибудь класс притти к такому решению, если масса этого класса сконцентрирована и соответственно сильно вооружена.

Рабочий класс должен был решиться и положить на весы свою временно большую силу. Но буржуазия на другой чашке весов была еще более вынуждена принять решающий бой. При известных обстоятельствах она может пойти на уступки, как бы неохотно она это ни делала. Но она никогда не может разделить свою власть с врагом. Она не может терпеть рядом с собой вооруженной силы. Поэтому, во всех революциях ее целью было сначала ослабить и расколоть рабочих уступками, чтобы затем обезоружить их хитростью или силой. В феврале была вотирована республика. Был назначен министр труда. Но как только буржуазия вновь вздохнула, это министерство труда было обращено в лабораторию для социальных опытов. "Право на труд" было осуществлено в национальных мастерских в виде смешной карикатуры на требования рабочих. Массы подстрекались на каждом шагу. Каждое действие и каждое упущение правительства подзадоривало. Весь май месяц прошел в таких провокациях. Против национальных мастерских, хотя они были наглой фальсификацией социальных идей Луи Блана, ведется бешенная, постоянно увеличивающаяся травля и в печати, и в парламенте. Собственная неспособность не только осуществить великую реформаторскую идею "организации труда", но и организовать хотя бы работу национальных мастерских, подло используется для травли против 100.000 рабочих, которые нашли там убежище от ужасных ударов кризиса. Буржуа видит лишь то, что работают недостаточно. Но что он не заботится об условиях работы, этого он не принимает в расчет. 24-го мая издается распоряжение, содержащее в себе следующие мероприятия:

"1. Холостые рабочие от 18-ти до 25-ти лет призываются под знамена республики, чтобы пополнить различные полки. Кто откажется явиться добровольно, будет немедленно вычеркнут из списков национальных мастерских.

2. Рабочие, которые не могут удостоверить факта постоянного местожительства в течение шести месяцев до 24-го мая, исключаются из национальных мастерских и теряют свое право на вознаграждение и поддержку.

3. Предприниматели могут потребовать столько рабочих, сколько они считают нужным для возобновления или продолжения своих работ. Кто из рабочих откажется повиноваться этому, будет сейчас же вычеркнут из списков национальных мастерских.

4. Остающиеся рабочие не получают больше поденной платы, а переходят на сдельную работу.

5. Будут составлены, возможно скорее, рабочие бригады, которые будут посланы в провинцию, чтобы производить там большие общественные работы под руководством "управления мостов и дорог".

Это обозначало обезоружение рабочего класса путем уменьшения его сил, обозначало приговор его к рабскому труду, к явному голоду.

Исполнения распоряжения временно откладываются из-за трений в контр-революционном лагере. Но 25-го мая начальник национальных мастерских, Эмиль Тома, демагог и бонапартист, отсылается административным путем в Бордо. Вместо него назначается субъект, который начинает зверски действовать против рабочих. Когда рабочие делегаты требуют объяснения по поводу этих происшествий, то новый начальник национальной гвардии Клеман Тома, - чорт унес его во время боев за коммуны 1871 года, - бросил им в лицо слова: "Вам дадут ответ 500.000 штыков". В палату вносятся предложения об отмене права забастовки. И так продолжается дело, пока 21-го июня не появляется декрет, уничтожающий национальные мастерские.

По отношению ко всем этим провокациям Бернштейн находит возможным сказать лишь, что буржуазия проводила свои мероприятия с недостаточным "чувством такта". Он не имеет ни малейшего представления о том, что рабочие были поставлены перед дилеммой: голод или бой! Рабочие вступили в бой. Подумать, что 50.000 рабочих берутся за оружие и ведут героический бой лишь потому, что их дескать натравили фантазеры и предательские подстрекатели, - это мнение столь же ребяческое, сколь и лишенное даже видимости основания.

Травля велась планомерно буржуазией. Клубы оказали на июньские события лишь очень незначительное влияние.

Итак, тот бой был неизбежен. И это повторялось в каждой революции: 1871, 1905. Были ли бои 1919 года в Германии устранимы или необходимы? Благодаря старой немецкой социал-демократии, благодаря воспитательной работе Бернштейна и К°, ноябрьский переворот застрял в буржуазной революции, пуповина 1848 года выглянула на свет. Но массы были вооружены. Буржуазия, представленная Эбертом, Шейдеманом и Носке, должна была провести разоружение, чего бы это ни стоило. И эти

представители буржуазии провоцировали рабочих так же грубо, как их прообразы 1848 года. Роза Люксембург была против принятия боя (как и Бланки в мае 1848 года). Не потому ли, что она считала возможным совершенно обойтись без него? Нет, ибо она была уверена, что при умной тактике, которая сообразовала бы действия с соотношением сил, подкрепленной к тому же сильнейшей революционной пропагандой, этот бой мог быть принят позднее при более благоприятных условиях. В 1919 г., как и в 1848 г., виной была плохая организация пролетариата, благодаря которой пришлось принять бой при неблагоприятных условиях. В январе 1919 г. Роза Люксембург, несмотря на свое опасение по поводу принятия боя, со всей энергией поддерживала сражающихся рабочих, и инстинктивная симпатия рабочих к июньским бойцам Парижа вытекала не только из сочувствия к побежденным и из мысли, что они были тоже пролетарии, но и из уверенного понимания исторического значения их боя.

Вместо того, чтобы понять историческую необходимость пролетарских действий, вместо того, чтобы признать реакционный характер буржуазии и ее политики против пролетариата, Бернштейн взваливает ответственность за победу реакции на революционных рабочих и на их вождей-бланкистов. Если бы рабочие не напали на буржуазных республиканцев, если бы они остались спокойными гражданами, то и те буржуа не сделали бы контр-революционерами, и республика была бы спасена. Нельзя скрыть, что Бернштейн докопался до такого глубокомысленного "марксизма" после того, как он десять лет или больше работал вместе с великим Энгельсом.

Естественно, что такое понимание ведет к принципиальному отклонению всякой революционной борьбы, поскольку она направлена против буржуазии. Но этим самым Бернштейн становится принципиально и на историческую точку зрения буржуазии. Он заходит в этом настолько далеко, что принужден уже и морально оправдать буржуазию. В одном длинном разборе, например, он доказывает, что по эту сторону баррикады находились не только герои, но и трусы, на другой же стороне - достойные хвалы герои. И особенно оправдывает он июньского палача Кавеньяка. Совсем несправедливо, дескать, опозорили этого человека. Он был честным демократом, и Бернштейн добросовестно отмечает, что Кавеньяк после резни рабочих проливал слезы, сидя в уголку. Чего же хотят? "Кто-нибудь, ведь, должен был быть свирепым!" Уже в 1896 году Бернштейн оправдывал своего задушевного друга Носке.

Свою принципиальную, направленную против пролетарской революции точку зрения Бернштейн формулирует в следующих словах:

"Первые декреты победоносной февральской революции не нуждались вовсе в контрабандном проведении права на труд» чтобы придать ей характер социальной революции. Законом о свободе печати и собраний и провозглашением всеобщего избирательного права социальная эмансипация пролетариата была уже принципиально выражена. От собственной способности использовать данные средства зависело теперь, до какой степени и в какое время должно было

осуществиться данное в принципе".

Итак, насколько простираются потребности буржуазии, Бернштейн всецело с ними, настолько он революционен. Но с этого пункта он видит лишь омертвевшие политические формы, которые становятся для него фетишем. Он не замечает больше ни классовых противоречий, ни силы буржуазного класса, который приобретает влияние вне парламента. Государство теряет для него свой классовый характер, оно становится для него единой демократией, о вечном господстве которой он мечтает, как какой-нибудь либерал 1848 года.

Свобода печати и собраний и чуточку всеобщего избирательного права, - этого достаточно для рабочего класса. Этим он должен довольствоваться. Он отнюдь не должен помышлять о свержении буржуазии. Лозунг должен гласить: "Освобождение путем хозяйственной организации", а не: "Освобождение путем политической экспроприации"!

Мы уже слышали, как Бернштейн жаловался, что злодейские клубы снизили биржевой дисконт. Послушаем теперь, что говорит он в своих "Предпосылках социализма" (Штутгарт, 1899, стр.31-33) по поводу террора и капиталистического производства:

"Марксизм преодолел бланкизм лишь с одной стороны - в отношении метода. Что касается другой, - преувеличенной оценки творческой силы революции для социалистического преобразования современного общества, - то он никогда не отрывался вполне от бланкистского взгляда".

Производство и сбыт во Франции 1789-94 года были ограничены, больше чем на девять десятых, местными рынками; внутренний национальный рынок, при незначительной дифференциации хозяйства в стране, играл весьма второстепенную роль. Поэтому, какая бы паника ни свирепствовала, она разоряла, конечно, отдельных лиц из промышленного класса и временно те или иные местные промыслы, но национальная хозяйственная жизнь бывала затронута ею лишь косвенно. Ни одна секция работающих в производстве или в торговле классов, не подвергалась, как таковая, угрозам с ее стороны, и, таким образом, страна могла выдерживать довольно долго и, если и были нанесены какие-либо раны, быстро залечивать их. Напротив, в 1848 году неустойчивость, в которую был поставлен промышленный мир назначением временного правительства и разрастанием и поведением всемогущих клубов, означала увеличивающийся застой производства и ослабление торговли и оборота. Каждое усиление и каждый день продления такого состояния означали всегда новое разорение, всегда новую безработицу, угрожали колоссальными потерями всему промышленному населению города и частично также и сельскому. Об экспроприации крупных и мелких капиталистов-производителей не могло быть и речи; для этого и промышленность не была достаточно развита, да и не было органов, которые могли бы занять их место. Пришлось бы лишь заменять одно лицо каким-либо другим, или группой лиц, чем совершенно не была бы изменена социальная организация страны и не улучшено хозяйственное положение. Место опытных дельцев заступили

бы новички со всеми слабостями дилетантизма. Короче, политика по образцу террора 1793 года была наиболее бессмысленной и бесцельной, какую только можно вообразить себе, и так как она была бессмысленна, то наряжаться в костюмы 1793 года было больше чем нелепостью; это было именно потому, что происходило в политической революции, преступлением, за которое тысячи рабочих вскоре заплатили своей жизнью, другие тысячи - свободой. Предостережение "мелкого буржуа" Прудона, при всех его причудливых преувеличениях, свидетельствовало поэтому о проницательности и моральном мужестве; в политическом отношении оно вознесло его высоко над литераторами, художниками и прочими буржуазными цыганами, которые драпировались в "пролетарско-революционные" одежды и жаждали нового прериала. Маркс и Прудон изобразили почти одновременно первый, в "Классовой борьбе", последний, в "Исповеди революционера" - ход февральской революции, как историческое событие, в котором каждый значительный отрезок представляет поражение революции. Но в отличие от Прудона Маркс усматривал именно в росте контр-революции - революционный прогресс; лишь в преодолении ее, - писал он, - ниспровергающая партия созреет и станет действительно революционной партией. Что он ошибался при этом в оценке времени, - ибо здесь дело идет о революционном в политическом смысле, - это Маркс понял достаточно скоро, но принципиальную ошибку, лежащую в основе этого предположения, он не познал полностью, кажется, никогда, также мало обнаружил ее и Энгельс в предисловии к "Классовой борьбе".

Здесь раскрываются корни враждебности к революции, корни антибольшевизма. Ибо в этом-то, в конце концов, и заключается мотив для антибольшевизма социал-демократии: революция и пролетарский террор ослабляет временно хозяйственные функции и разоряют некоторые части хозяйства. Этому надо воспрепятствовать; благовоспитанный гражданин и "марксист" не может принять на себя ответственности за это. Отсюда: не революция, а борьба против революции. Отсюда: не пролетарский террор, а террор против пролетариата. Боязнь издержек революции заставляет социал-демократов взвалить на пролетариат издержки контр-революции. И так как социал-демократы боятся жертв освободительной борьбы, они навязывают пролетариату вековые многомиллионные жертвы в капиталистическом рабстве. "Хорошо это или плохо, мы должны примириться с тем, что мы только мещане". Бернштейн цитирует эту фразу Прудона, наполовину соглашаясь с ним. Типичный признак филистера - это боязнь ответственности. Но тем опаснее становится он, когда пренебрежение революционным действием ведет его к совершению контр-революционного злодеяния. Террорист Носке - необходимое дополнение к великопостному проповеднику Бернштейну.

А теперь припомним, что такие точки зрения могли пребывать неприкосновенными в немецкой социал-демократии в течение многих десятилетий. Так не должна ли была эта партия пойти по тому пути, по которому она пошла? От оправдания Кавеньяка до действий Носке - один

лишь шаг .

Георг Гервег

18-е марта 1873 года

В год достопамятный сорок восьмой
Лед уж ломался ранней весной,
Дни февраля и дни марта поплыли,
То не сердца ль пролетариев были,
Что надеждой бились впервой
В год достопамятный сорок восьмой?
Год достопамятный сорок восьмой.
Срок для раздумья тебе был большой,
Матерь Германия, в прусской науке.
Не были ль то пролетариев руки,
Дело свободы вершивших гурьбой
В год достопамятный сорок восьмой?
В год достопамятный сорок восьмой,
Бой прекративши последний ночной,
Трупы своих пролетариев бедных
Вынес Берлин пред дрожащим и бледным
Цезарем, с непокрытой главой,
В год достопамятный сорок восьмой.
Семьдесят третий - злокозненный год.
Высится царства богатых оплот!
Мы же, склонясь, бедняки, под пятой их,
Помним о пролетарских героях, -
Марты не все еще, март наш придет...
Семьдесят третий - злокозненный год.